

РАЗРУШИТЕЛЬНИЦА ПИРАМИД

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Разрушительница пирамид

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Разрушительница пирамид / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2019 — (Авантюрный детектив)

ISBN 978-5-04-100072-1

Все началось ни много ни мало — с Пикассо! По неосторожности разбив стекло на портрете работы Пикассо, Ева решает незаметно вынести картину из дома богатого старика, где оказалась почти случайно. А когда она возвращается из багетной мастерской, выясняется, что в доме побывали грабители и убили хозяина. На месте преступления работает полиция, поэтому вернуть портрет оказалось весьма проблематично. Саму Еву пытаются похитить малодружелюбные незнакомцы, но на помощь девушке приходит «юноша со взором горячим». Он представляется Саввой Долгоруковым и предлагает Еве, а также ее мамуле с тренером по йоге переждать опасные времена в его огромном доме. Тем более попытки похищения, покушения и убийства лишь набирают обороты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100072-1

© Полякова Т. В., 2019
© Эксмо, 2019

Татьяна Полякова

Разрушительница пирамид

© Полякова Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Беды, если идут, идут не в одиночку, а толпами.
Шекспир

Вишенка на торте... Именно это дурацкое выражение пришло мне в голову, когда стекло на картине пошло трещинами. То есть выражение вовсе не дурацкое, а вполне себе нормальное, вот только совершенно точно явилось не к месту. Или не ко времени. Хотя как посмотреть. В ироничном смысле очень даже подходит, ведь, насколько я помню, означает оно заключительный штрих или что-то в этом роде. Короче, заключительная пакость этого идиотского дня.

Последнее время у меня все дни такие, но сегодня судьба, как видно, решила меня докона́ть. Начнем с того, что мамуля с утра не отвечала на звонки. Тревожный знак. На девяносто девять процентов можно быть уверенной: она опять себе «позволила». Это мамино выражение, а не мое. Говоря попросту, мама с некоторых пор подружилась с бутылкой. Еще одно дурацкое выражение... Щедра я на них сегодня... Если совсем просто, мама пьет как лошадь, и от этого мое существование лучше не становится. Уж можете поверить, мне и без маминых запоев есть чему порадоваться. В переносном смысле, само собой.

Двадцать три года моей жизни были вполне благополучными и ничем не примечательными. Мама, папа, я – дружная семья. Я окончила школу, потом институт, дважды успела влюбиться, один раз вполне счастливо, едва не выскочила замуж.

Но жизнь внезапно дала крен, и стало не до замужества. В результате возлюбленный женился на моей подруге. Они уже год как развелись, и я, в общем-то, считаю – мне повезло. По крайней мере, разводиться мне не пришлось. Кирюха винил во всем меня и утверждал, что, женись он на мне, жил бы в браке долго и счастливо. Не факт, кстати. То есть он-то, может, и жил бы, вопрос: на сколько бы хватило меня? Олеська, это моя подруга, а теперь его бывшая, уверяет: он страшный зануда, жадина и врун. Подозреваю, она куда ближе к истине, чем Кирюха, который, в самом деле, любит наводить тень на плетень. Короче, я на них не в обиде. А даже напротив. Но их свадьба, как вы понимаете, поначалу жизнь мне сильно испортила. Я в меру сил страдала и пару раз рыдала по ночам, хотя это и не стало самым трагическим происшествием в моей жизни. Куда больше я переживала развод родителей. С этого, собственно, и начались мои несчастья.

Когда мне было двадцать три и жизнь представлялась безоблачной и полной надежд, папа встретил женщину. Надо бы написать это слово с большой буквы, раз уж появление этой дамы так повлияло на мою жизнь. Но вот беда: на заглавную букву в слове «женщина» папина Раиса не тянула. Она добродушная тетка, которая смотрит папе в рот, и в этом, боюсь, ее основное достоинство. Если не считать борща. Борщ Раиса варит классно. Мама от готовки всегда отлынивала, а в рот папе заглядывала, разве что когда он на горло жаловался. Папа, будучи типичным подкаблучником, маму побаивался. И все, уж мы-то с мамой точно, верили: так будет всегда. Но тут появилась Раиса... Ей было хорошо за сорок, пятнадцать из которых она жила с котом по кличке Люций (полное имя Люцифер, намек на то, что тетка могла удивить), вязала шарфики племянникам и продолжала мечтать о любви. Могла бы мечтать и дальше, но тут ее сократили на прежнем месте работы, и она устроилась в папин отдел чертежницей. Это была

судьба. Однако у нас имелись все шансы пребывать относительно нее в неведении, если бы не досадный папин промах и мамин характер.

Засыпался папа на ерунде: подарках к Восьмому марта. Мама до трех считать умела и взялась за папу всерьез. Тот вечер останется в памяти навсегда. Мы с папой заперлись в ванной (я вовсе не из-за солидарности, а из-за боязни схлопотать под горячую руку). Мама бушевала за дверью, и только недавний ремонт, влетевший в копеечку, удерживал ее от того, чтобы не выбить к чертовой матери дверь. Понимая, что долго мы в ванной не протянем, я уже начала сочинять эпитафию, что-то вроде «мама любила папу, папа полюбил другую женщину, здесь лежит папа».

Но мама, прокричав «вам же хуже», удалилась, громко хлопнув входной дверью. Папа принялся каяться и взывать к моему пониманию, а я кивала, искренне считая: папа с перепугу забудет про Раису уже завтра, и наша жизнь пойдет как прежде. Но мама показала характер, сказав папе «убирайся отсюда», что он и сделал, подозреваю, с большим облегчением. Полгода мама держалась, уверенная: папа со дня на день вернется. Папа не возвращался. Я объяснила Кирюхе, что идти замуж в настоящий момент не могу из этических соображений. Мама страдает, а тут я со своим счастьем. Надо подождать. Однако ждать он не стал и женился на Олеське, впоследствии объяснив это так: меня он любил, но в Олеське видел идеальную кандидатуру на роль жены. И, само собой, лопухнулся (мне ли не знать, как подружка придумывается). А женился мне назло. Ну не дурак ли, прости господи... Лишний повод решить, что повезло тогда мне, а вовсе не Олеське.

В общем, полгода выдались насыщенными: мы с мамой страдали, но держались. Так как Раиса жила в общежитии и папа переселился к ней, неминуемо возник вопрос о разделе квартиры. Когда папа об этом заикнулся, я вновь принялась сочинять эпитафию. А мама презрительно сказала:

– Подавись.

И квартиру родители продали. Тогда в мою душу и закралось сомнение, что у этой истории возможен счастливый конец. Для некоторых членов нашей семьи, я имею в виду. Мама, взяв ипотеку, купила «трешку» в новом доме и не только влезла в кабалу, но и ухнула все деньги от продажи квартиры и нажитые за предшествующие счастливые годы. Мне эта «трешка» была костью в горле – мы вполне могли пожить в однокомнатной квартире, которая досталась мне от бабушки. Учитывая ситуацию на обоих любовных фронтах, жили бы долго и счастливо. Но мама хотела утереть папе нос. Совершенная нелепость, учитывая, что папа в эйфории собственного счастья маминой квартирой не особо интересовался.

На ремонт спустили последние деньги и залезли в долги. Мама осталась одна в роскошной «трешке», толком не зная, что в ней делать. И тут фирма, где она работала, приказала долго жить. Хозяева сбежали за границу, успев вывезти свои кровные, а заодно и чужие. Мама лишилась работы и надежды на лучшее будущее. С работой, в самом деле, было туго, но за ипотеку надо платить, и мама пошла в строительную организацию, где все, по ее выражению, «дышало на ладан», и, наверное, по этой причине сотрудники без конца что-то отмечали, проще говоря, по малейшему поводу пили.

В тяге к зеленому змию мама ранее замечена не была, оттого процесс перехода из мира трезвенников в мир сильно не трезвых я бездарно проворонила, занимаясь в основном своими проблемами, которых тоже был вагон.

Как выяснилось позже, это были не проблемы, а сушая ерунда по сравнению с открывающимися перспективами. Когда маму поперли с работы, я кинулась за помощью к папе. Мама сделала ход конем, заявив, что я вовсе не его дочь. И хоть папа уверял, что все это выдумки и слушать маму в ее состоянии себе дороже, но червь сомнения в душу закрался. Не в том смысле, что папа мне не родной, а в том, могу ли и впредь доставать его нашими проблемами

или правильнее дать человеку возможность отдохнуть от семейных уз. Короче, жизнь мне мама существенно усложнила.

Мама меняла работу за работой, и каждая последующая была хуже предыдущей.

Вот так мы оказались в доме Константинова. Поначалу там оказалась мама. После очередного увольнения она близко сошлась с моей соседкой Тамарой Васильевной, дамой грендерского вида и такого же характера. У нее было что-то вроде агентства сиделок. То есть официально не было ничего – Тамара числилась пенсионеркой, но подработать была не прочь и, когда ее бывший начальник слег, пошла к нему в сиделки. Работа растянулась на несколько лет. Справиться одна Тамара была не в состоянии и подтянула подруг из тех, что покрепче. Они и стали костяком будущего агентства.

Старичок, за которым они ухаживали, почил, но без работы тетки не остались, напротив, оказались нарасхват. Тамара составляла графики работы, занималась инструктажем, в общем, являлась негласным лидером команды, число членов которой перевалило за два десятка. Мама в сиделки не годилась, терпением ее бог обидел, и Тамара пристроила ее домработницей к Константинову, с которым вечно были проблемы. По крайней мере, если верить Тамаре и ее жалобам.

Старик нуждался в круглосуточном присмотре, но «жмотничал», из-за чего Тамаре приходилось составлять графики виртуозно, дабы не задействовать лишних людей.

Мне старик не нравился. Свести с ним знакомство пришлось довольно скоро. Чтобы мама не лишилась и этой работы, я ее несколько раз подменяла, здраво рассудив: лучше побыть в роли уборщицы, чем потом пристраивать маму, тем более что пригодных для этого мест в городе практически не осталось.

Старик меня терпеть не мог, впрочем, вряд ли кто-то был ему в принципе симпатичен. Если вам интересно мое мнение, он всех отчаянно ненавидел. И сожалел разве только о том, что не мог отправить окружающих на тот свет чуть раньше себя. Но очень старался. Сиделкам от него доставалось, держались они из последних сил и втайне молились, чтобы старик поскорее преставился. В общем, пожелания Константинова и обслуживающего персонала были схожи, вопрос, на чью мольбу господь скорее откликнется.

Звали старика Лев Сергеевич, когда-то он был большим партийным начальником, а сейчас орал на сиделок, лежа на кровати в памперсах, хотя до туалета был вполне способен пройти. По крайней мере, совершенно точно за мной подглядывал, когда я мыла ванну, стоя в позе, которая, должно быть, очень ему приглянулась, иначе бы он не залип там на полчаса. Сиделка в это время мирно дремала, и старикан решил, что я ничего не замечаю.

Что за мысли бродили в его лысой голове, мне неизвестно, но, когда я убиралась в спальне, где он возлежал, Лев Сергеевич вдруг ни с того ни с сего сказал:

– Шлюха!

Сиделка все еще дремала, оттого я в долгу не осталась, шепнув в ответ:

– Старый извращенец.

С той поры он норовил сказать мне гадость, запустить в меня тарелкой, а то и вовсе ущипнуть. За щипки я безжалостно била по рукам, но толку от этого не было. В общем, каждое мое появление в доме Константинова отдельное испытание, и, когда выяснилось, что мама на связь не выходит и убирать вместо нее вновь предстоит мне, я злобно выругалась и помянула мамулю недобрым словом, наплевав на дочерние чувства.

Вечером мы с Олеськой собирались в кино, и к Константинову я отправилась пораньше.

Жил он в тихом переулке рядом с церковью, можно сказать, в самом центре города, хоть и в стороне от туристических троп. Дом не выглядел особенно большим, в те времена, когда его возводили, строить дворцы было еще не модно. Стены прихожей, кабинета и столовой обшиты панелями из красного дерева, впечатление такое, что это декорации к фильмам времен хру-

щевской оттепели или вовсе кровавого сталинского режима. Должно быть, от этого мне сразу становилось не по себе.

В дом меня впустила Светлана Петровна, одна из сиделок, и тут же принялась жаловаться:

– Ирина в отпуск отправилась, а Олег ей на смену никого брать не хочет. Сами, говорит, справляйтесь. А как справляться? Кто сегодня в ночь со стариком останется? Я не могу. Я ему об этом еще неделю назад сказала. Иркина смена должна быть, а Ирки нет.

Пока я переодевалась, она продолжила развивать тему, вслед за мной протопав в кухню. Я бы предпочла музыку послушать, надев наушники, но к Светлане я относилась очень хорошо, потому что она хорошо относилась к мамуле, и наушники надевать не стала, пробормотав что-то сочувственное.

– Евочка, может, ты на ночь останешься? – неожиданно предложила она.

На это моего хорошего отношения явно не хватало.

– Нет, Светлана Петровна, у нас с ним отсутствует взаимная привязанность, да и навыков сиделки у меня нет.

– Да какие навыки? Ляжешь спать... а утром я приду.

– Ляжешь, как же... А если старикан чудить начнет, а я не сдержусь и запущу в него чем-нибудь тяжелым?

– Ты можешь, – косясь на меня, кивнула она. – А мамка твоя посидеть бы не смогла?

– Боюсь, мама очень занята.

– Ну да... чего-то я не подумала... С другой стороны, какая разница, где ей спать?

Может, разницы и не было, но оставлять нетрезвую мамулю с вреднящим стариком я бы поостереглась, потому сразу отмела эту идею.

– Я до нее дозвониться не могу. Дома ее нет. Учитывая уроки прошлого, вряд ли она в ближайшие два-три дня там объявится или про телефон вспомнит.

– Да, – вздохнула Светлана. – Пожалуй, ты права... Что же делать-то? Нет у меня сил сутки здесь сидеть. Эдак я сорвусь и тоже тяжелым начну швыряться. Сегодня тарелку с кашей в меня запустил. Вот ведь вражина! Пришлось постель менять, стену оттирать да пол мыть, а мне своей работы за глаза. Черт противный, – пробормотала она.

– Вы Олегу позвоните, – посоветовала я.

Олег – племянник старикана. Он тут был за главного. Жена Константинова умерла два года назад, детей у них не было, и Олег, по словам все той же Тамары, не чаял дожидаться наследства. Хотя и без него претендентов хватало. У старика трое племянников, сестра и брат жены, который тоже к чужому добру присматривался. По мне, так было бы к чему. Дом, конечно, стоил денег, но, поделенный на пять частей, вряд ли мог потрясти воображение. Правда, Тамара утверждала, что денег у старика завались, а гад Олег их зажимает, чтоб ему больше досталось. Еще имелись антикварная мебель, картины в гостиной и, конечно, портрет. Про него мне рассказал Олег.

Портрет висел возле лестницы на втором этаже. До разговора с Олегом я пару раз протирала деревянную раму, мало обращая внимания на изображение. С моей точки зрения, это было не особо похоже на портрет, хотя чья-то физиономия угадывалась.

Я как раз терла стекло, когда Олег решил меня просветить.

– Пикассо, – заявил он, кивнув на рисунок.

Олег из тех парней, кто считает себя пупом земли, а всех прочих недоумками. Пытался меня облапать еще в самый первый приход сюда, наверное, решив: если я мою полы в доме его дяди, так мне за счастье такое внимание. Должно быть, у них с Константиновым это семейное, я имею в виду – руки распускать. Я доходчиво посоветовала от подобных знаков внимания воздержаться. Он вроде понял, по крайней мере, пасся на расстоянии, а через пару недель пригласил меня в ресторан, решив произвести впечатление щедростью души. Я ответила, что

болтаться по ресторанам у меня времени нет. На этом мы закончили, но смотрел он на меня в редкие минуты наших встреч с неудовольствием, и, по моему мнению, от него можно было ожидать любой пакости. Такие типы мне хорошо известны, оттого его слова о картине вызвали большие сомнения. Наверняка решил поприкалываться.

– Да? – сказала я.

– Seriously, – уловив это самое сомнение, кивнул он с намеком на обиду. – Отец Льва Сергеевича был дипломатом и свел знакомство со многими известными людьми. С некоторыми даже дружил.

– С Пикассо?

– С Пикассо нет, но то ли выставку его устраивал, то ли еще что-то... Не помню. Они несколько раз виделись и прониклись друг к другу симпатией. Иначе с какой стати Пикассо его портрет рисовать?

– Не особо это на портрет похоже, – усмехнулась я.

– А ты вообще картины Пикассо видела?

– Где уж мне. В нашей деревне только клуб, и тот сгорел прошлым летом.

– Ладно, чего ты... – нахмурился Олег. – Я же не в том смысле... Я, кстати, знаю, у тебя хорошее образование и работа. Ты точно не бедствуешь, а здесь из-за матери... – Голос его был слаще меда.

Стало ясно: меня нагло охмуряют, и я сказала сурово:

– Давай про Пикассо.

Олег вздохнул и досадливо покачал головой:

– Это портрет отца Льва Сергеевича, дядя завещал его нашему музею. После своей смерти, естественно. Хотя мог бы и сейчас отдать, в живописи он ничего не смыслит и Пикассо мазней считает. Подпись видишь? – ткнул пальцем Олег.

Подпись точно была.

– Портрет теперь огромных денег стоит.

– Тогда о нем лучше помалкивать. – С этими словами я отправилась вниз по лестнице, оставив наследника тосковать возле шедевра.

Олег был старше меня лет на десять, то есть вполне себе взрослый мужик, но выглядел довольно нелепо. Невысокий, полненький, он носил штаны в клетку, серьгу в ухе, супермодные стрижки и кроссовки на босу ногу. В общем, походил на пожилого подростка, однако все равно мнил себя пределом мечтаний любой девицы репродуктивного возраста. Временами это веселило, но не так часто, если честно. На мысли о нем попросту не хватало времени.

Однако сейчас я о нем вспомнила. И Олега, и Пикассо, и свои руки, не тем концом вставленные. Я выжимала тряпку, держа на весу «лентяйку», и тут услышала за спиной характерный звук. Оглянулась и увидела картину... Точнее, увидеть ее оказалось затруднительно, портрет был под стеклом, а стекло треснуло от удара ручкой «лентяйки». Я тупо таращилась на паутину трещин на стекле, не понимая, как это могло произойти. Однажды в лобовое стекло моей машины попал камушек, совсем маленький, а трещины пошли по всему стеклу. Парень на техстанции объяснил: на каждом стекле есть некая слабая точка, куда лучше не попадать. Похоже, именно в нее я сейчас и попала. Вот тогда и явилось дурацкое: «вишенка на торте». В добавление к моим проблемам (а я еще не обо всех успела рассказать) теперь и это. Я представила, что скажет Олег... Не дай бог еще и старикан узнает! Допустим, я их нравоучения как-нибудь переживу, а вот мамуля вряд ли. Она нравоучений не жалуется, разумеется, если не сама их произносит. Пошлет она и Олега, и старикана, и что я буду делать с безработной мамой и ее ипотекой?

Я сняла портрет, ожидая какого-нибудь сюрприза типа сигнализации, но ничего не произошло. Картина висела на одном гвозде, никаких ловушек не наблюдалось. Видеокамер в доме, кстати, тоже не было.

«Странные люди, – думала я. – Хранить в доме дорогую вещь, пренебрегая элементарными правилами безопасности».

От неловкого движения пара осколков стекла выпала. Я вынула все стекла, с трепетом разглядывая изображение. Портрет был нарисован на бумаге для акварели форматом А4. Никаких повреждений я не заметила и вздохнула с облегчением. Вернула портрет теперь уже без стекла на место, сходила за совком и веником и тщательно смела осколки.

Мужчина на портрете, похожий на зубастого ежика, смотрел укоризненно.

– И так повисишь, – буркнула я.

А почему бы, кстати, и нет? На отсутствие стекла внимание обратят не сразу... если повезет... Вот пусть потом и разбираются, куда оно делось. Само собой, я понимала, что все это глупости. Сиделкам картина на фиг не нужна. Они на второй этаж вообще не поднимались, разве что в первое время, из любопытства, которое давно их оставило.

Лежал Константинов в бывшей гостиной на первом этаже, рядом с санузлом, кухней и верандой, куда его выводили проветриться. В общем, вся жизнь концентрировалась именно там, и на второй этаж регулярно заглядывала только домработница, то есть мама, и я.

– Жесть, – буркнула я и кое-что еще добавила, непечатное. Легче не стало, но хоть реветь расхотелось, а до того мгновения так и распирало. От невезения и затяжной черной полосы, которая даже сереть не хотела, не то что становиться белой.

Внизу вновь появилась Светлана Петровна, задрав голову, наблюдала, как я спускаюсь по лестнице, и начала канючить:

– Звонила я Олегу. Говорит, не может приехать. Я спрашиваю, что делать, а он говорит – не знаю. Представляешь? Вроде это мое дело, а вовсе не его! Вот ведь гад!

– Позвоните Тамаре, – посоветовала я.

– Звонила. Ты, говорит, чего так дотянула, кого я тебе сейчас найду? Евочка, вся надежда на тебя.

– Считайте, ее нет совсем, – отрезала я и скривилась, вновь вспомнив о портрете.

– Мне огурцы засолить надо! – дождавшись, когда я спущусь, заголосила Светлана. – Сестра два ведра огурцов привезла! Пропадут... Завтра утром я тебя сменю. Хочешь, в семь приеду?

– Не хочу. Я со стариканом не останусь, и не просите. Он начнет дурака валять, а я пришибу его под горячую руку. Кому это надо? Разве что наследникам, – добавила я. – Но с какой стати делать им такой подарок?

– Все шутишь? А мне не до шуток.

– Звоните еще раз Олегу, расскажите про огурцы.

– Да говорила уже. Он Верке велел звонить или Матвею.

– Позвоните.

– Верка не отвечает, а Матвей сказал, что он в командировке, и вообще, это, мол, дело Олега.

– Ну, Олег-то так не считает. И, между прочим, правильно. Если уж все вместе ждут кончины старикана, значит, и хлопоты должны быть совместными.

– Я ему снотворного дам, он до утра проспит, – перешла на шепот Светлана. – Дождусь, когда уснет... Тебе просто в соседней комнате до утра побыть...

– Забудьте про меня! Я не гожусь в сиделки, о чем вам хорошо известно. Лучше Верке звоните. Настоячиво. Спасайте огурцы.

Я стала убирать в холле, то и дело косясь в сторону лестницы. Взглянула на часы. Достала мобильный и проверила ближайшие багетные мастерские: та, что на Гагарина, работает до семи, есть шанс успеть. Уговорю при мне вырезать стекло – и сразу сюда.

Я заглянула в кухню, где бегала Светлана с телефоном в руке.

– Светлана Петровна, мне отлучиться надо, вопрос жизни и смерти.

– Чего? – не поняла она.

– Уйду на часик, вернусь и все домою.

– О господи... А как же я? То есть огурцы?

– У меня свидание. Вы что, хотите, чтобы я в девках загнулась? Это похуже ваших огурцов.

– Верка не отвечает, – пожаловалась Светлана.

Но я ее уже не слушала. Поднялась на второй этаж, сняла картину и сунула в пакет, в котором обычно ношу рабочую одежду. Одежду оставила в ящике в котельной, где держали свои вещи сиделки и мамуля.

– Я ушла! – крикнула я из прихожей, захлопнула дверь и потрусила к калитке, на ходу вызывая такси, после чего предупредила Олеську, что кино отменяется.

Машина подъехала через три минуты, через пятнадцать я была в багетной мастерской. Все вроде бы складывалось удачно. За столом сидел тучный дядька и что-то разглядывал в компьютере. Посетителей не наблюдалось.

Я приблизилась, достала портрет и сказала:

– Стекло разбила. Можно заменить?

– Конечно.

– Только мне надо сегодня. Сейчас.

Дядька взглянул с недоумением, я продолжила:

– Понимаете, это подарок. Мне сегодня его в восемь вручать, а я стекло разбила. Без стекла никак. Я заплачу сколько скажете.

– Подарок? – с сомнением глядя на портрет, осведомился дядька. – Это кому же?

– Шефу. Он у нас интеллектual и...

– Понятно. А я уж думал, напугать шефа хотите до колик, – хихикнул он.

– Между прочим, это Пикассо, – брякнула я, спрашивается, кто ж меня за язык тянул, но хотелось придать истории достоверность, вот меня и понесло. – Копия, конечно...

– Понятно, что копия. Пикассо – это... Пикассо! – подняв вверх указательный палец, заявил дядька. – Вообще-то я хозяин мастерской и со стеклом никогда не работал. Отпустил своих сегодня пораньше... У приемщицы день рождения, а муж ее как раз отличный стекольщик.

– Что же делать? – заныла я, понимая, что в другие багетные вряд ли успею.

– Давай попробуем сами, – пожал плечами дядька. – Может, справимся.

«Справлялись» мы больше часа. Толстяк точно не был стекольщиком, к тому же оказался на редкость медлительным. Меня так и подмывало отпихнуть его и самой попробовать. Но если человек делает тебе доброе дело, надо как минимум запастись терпением.

Через час он был весь в мыле, и я тоже, хотя просто рядом топталась (дядька меня в мастерскую пригласил, наверное, чтобы не скучать). Я боялась, что он все в сердцах бросит, и оттого время от времени жалобно поскуливала, укрепляя в нем веру в победу и намекая, что мужчины не сдаются.

Наконец проклятое стекло встало в раму, до этого то один угол был больше, то другой не желал влезать. Дядька победно ухмыльнулся, протер стекло полотенцем и протянул мне.

– Держи... Терпение и труд все перетрут! Поняла?

– Ага. Спасибо огромное. Сколько я вам должна?

Он махнул рукой, но деньги я его взять уговорила. Сунула раму в пакет и бросилась на улицу. К дому старика я вернулась уже в девятом часу и, взглянув на него, почувствовала недоброе. Хотя с чего бы? Дом за это время ничуть не изменился.

Я подошла к калитке и нажала кнопку домофона. Раз, второй, третий... Открывать мне не спешили. Мои худшие опасения сбывались на глазах.

Я достала мобильный и набрала номер Светланы.

– Светлана Петровна, впустите меня.

– Евочка, это ты?

– Господи, да кто ж еще! – закатила глаза я.

– Вернулась?

– Да. Вы же знаете, мне ванную домывать на первом этаже, – совершенно лишние сведения, но меня на нервной почве тянуло к болтовне.

– Евочка, меня там нет...

«Упс, – едва не произнесла я. – Начинается...»

Не знаю, что конкретно я имела в виду в ту минуту, но совершенно точно ждала испытаний.

– Я до Веры дозвонилась, она обещала приехать к восьми, но задержалась немного, а Лев Сергеевич уснул. Ну, мы с ней и решили – ничего страшного, если он один побудет. Она сейчас подъедет, ты ее дождись. Ой, ты там потише, – заволновалась Светлана. – Не разбуди старика... Проснется, чего доброго, мало никому не покажется... Ты ж Верку знаешь, придет она вовремя, как же! Хорошо, если к ночи заявится.

Верку я знала очень хорошо. Ей бы лишь потрепаться. Будет стоять над душой с мобильным в руке. Не факт, что я смогу картину на место вернуть, то есть совершенно точно не смогу.

– Мне-то что делать? – рявкнула я.

– Чего ты так беспокоишься? – проворчала Светлана. – Никуда твоя ванная не денется. Подумаешь... Я обещала Верке в девять утра ее сменить, вот и приходи к девяти. Или когда тебе удобнее.

На том и простились. Я потопталась у калитки, решая нелегкую задачу: дожидаться Верку или идти домой? Незаметно повесить картину вряд ли удастся, а рассказывать о том, что я выносила ее из дома, очень не хочется – эдак люди решат, я все, что угодно, могу вынести.

Но держать у себя Пикассо ужас как не хотелось. Внутренний голос услужливо шептал: «Наплачешься ты с ним». Я немного побродила возле дома, решив положиться на удачу. Если Верка через полчаса не появится, поеду домой.

Верка не появилась. Я продолжала топтаться возле калитки, успокаивая себя тем, что ничего страшного не случится, если я верну картину завтра. Ничего страшного... А если Верка заметит, что ее нет? Маловероятно. Хотя от безделья вполне может потащиться на второй этаж и в самом деле обратить внимание на отсутствие картины. Даже представлять не хочется, что тогда начнется. Тут уж не просто с работы уволят, тут запросто в тюрьму отправят!

«Господи! – чуть ли не в голос взывала я. – Какого лешего я взяла этот дурацкий портрет? Висел бы без стекла. Пусть бы голову ломали, куда оно делось, если кому-то вдруг станет интересно».

Отправиться к Светлане, взять у нее ключи от дома под предлогом сделать доброе дело и провести грядущую ночь со стариком? Подозрительно. С чего вдруг такая доброта, если моя неприязнь к старику общеизвестна? А если Верку к тому моменту нелегкая принесет? Встретит меня в дверях и на пакет внимание обратит. Верка, кстати, из троицы племянников самая бескорыстная, если это слово здесь уместно. Может, мысль о наследстве и грела ей душу, но, в отличие от Олега и брата Матвея, она глазами по сторонам не зыркала, прикидывая, что из вожеленного имущества продать и почем. Может, и на отсутствие портрета внимания не обратит? Вот было бы мне счастье! А я утром приду, как только ее Светлана сменит, и верну картину, сняв со своей души тяжкий груз.

Вскоре стало ясно: ждать я могу сколько угодно, пора что-то предпринимать. Чертыхнувшись, я побрела к остановке, так толком и не решив, еду я к Светлане за ключом или жду утра.

Тут и объявилась мама. В том смысле, что зазвонил мобильный как раз в тот момент, когда я садилась в троллейбус.

– Доча, – произнесла мама, голос был подозрительно трезвый, что сбивало с толка, – ты где?

– В троллейбусе. Еду от Константинова, – не без яда сообщила я.

– Ой, как хорошо! Убралась? А я про Константинова забыла. Прости меня, доча.

– Уже.

– Что?

– Простила, мамуля. Живи спокойно.

– Голос у тебя странный, ты чем-то расстроена?

– Не-а, песни пою от радости и прыгаю до потолка.

– Так я и знала. Опять неприятности? – укоризненно спросила мама, не подозревая, что последние пару лет моя главная неприятность – это как раз она. – Я же чувствую, что-то не так. Немедленно приезжай ко мне.

– Ты дома? – Я решила, что не худо бы обсудить ситуацию с мамой, если по счастливой случайности она сегодня не злоупотребляла.

– Нет, – поспешно ответила мамуля.

– Тогда куда мне ехать?

– В фитнес-клуб, в Колокольном переулке. Совсем рядом с нами.

– Что ты там делаешь? – удивилась я. Тяги к фитнесу я за мамой не замечала.

– Я всю неделю сюда хожу. Меня пригласили на бесплатное занятие и...

– Только не говори, что ты оформила кредит, чтобы купить абонемент.

– Доча... – простонала она. – Деньги – не самое главное в жизни, сколько раз тебе повторять!

– Для меня сейчас главное.

– Не паясничай. Давай бегом сюда. Хочу познакомить тебя с удивительным человеком. Он инструктор по йоге, а на самом деле ангел.

«Пипец, – решила я, убирая мобильный. – Мало мне неприятностей, теперь еще и ангел. Что там за гад маму охмуряет? Ну, ладно... Мы ему мозги вправим!» – решила я, горя желанием поскорее свести знакомство, уж очень хотелось дать волю эмоциям, которые буквально переполняли.

Троллейбус я покинула и вскоре уже входила в Колокольный переулок. Фитнес-центр располагался в здании бывшего завода, которое на скорую руку привели в порядок, обшили панелями ядовито-зеленого цвета и сделали помпезный вход с колоннами. Внутри все благоухало свежим ремонтом. Должно быть, центр открылся совсем недавно. За стойкой скучала девушка в зеленой майке, увидев меня, вскочила с радостной улыбкой.

– Добрый вечер.

– Не очень. – Не стала я разделять чужих восторгов. Девушка тут же сникла, такой ответ ее программа не предусматривала.

– У меня мамуля где-то здесь, – перешла я на доверительный шепот. – У нее йога. А также ключи, без которых я домой не попаду.

Девушка хлопнула глазами. Стало ясно: больше одного предложения подряд произносить не рекомендуется. Два – задание повышенной сложности, и девушка с ним не справится.

– Где йогой занимаются? – спросила я, улыбнувшись пошире.

– Третий зал, – ответила она, еще раз моргнув, и ткнула пальцем, указывая направление.

– Спасибо.

Я сделала несколько шагов, когда она заголосила:

– Ой! – Я, признаться, вздрогнула, а девушка сказала виновато: – Бахилы. Без бахил нельзя.

Я вернулась за бахилами и пустым коридором направилась к третьему залу, он оказался за четвертой по счету дверью. Чуть приоткрыв дверь, я заглянула, и очам моим представилась

воистину идиллическая картина. Мама сидела на коврике в позе лотоса, держа руки на коленях, соединив большие и указательные пальцы. Судя по благодному выражению лица, она уже была в нирване. Примерно в тех же краях пасся и сидевший напротив нее в точно такой же позе парень. Стало ясно, почему мама сюда зачастила. С таким типом и я бы с удовольствием помедитировала, лучше бы, конечно, дома, на удобной кровати... Хотя в принципе можно и здесь.

Мама назвала его ангелом, но я с данным определением соглашаться не спешила. Сроду не видела тренера по йоге диковиннее. Килограмм восемьдесят сплошных мышц, мама рядом с ним казалась Дюймовочкой. Длинные волосы цвета пшеницы, очень густые, что блондинам, в общем-то, несвойственно, были заплетены в косу толщиной с мою руку. Косу украшала красная лента, а запястья парня – с десяток фенечек, красная нить и браслет, которые паломники привозят из святых мест. На шее – цепочка со звездой Давида. Стало ясно, в голове у парня каша, а мама вляпалась в очередную неприятность. Убедить родительницу, что ей морочат голову, весьма затруднительно, когда напротив дремлет тип с такой физиономией: открытый лоб, прямой нос, мужественный подбородок, да еще с ямочкой, и губы нежные, как у девчонки. Люди с такими лицами никогда не врут. В общем, передо мной сильный противник.

Я громко откашлялась, раз уж на мое появление упорно не обращали внимания. Парень первым открыл глаза и улыбнулся, а я мысленно застонала. Глаза его отливали небесной синевой и казались прозрачными, а на правой щеке появилась еще одна ямочка. Теперь стало ясно, почему мама назвала его ангелом – он точно был не от мира сего: невероятно красивый, весь словно светящийся изнутри, с такой улыбкой, что хотелось тут же повалиться ему в ноги и каяться во всех грехах. Короче, можно было подписывать акт о капитуляции, не вступая в бой.

– Ева, – произнес он, точно пробуя мое имя на вкус, и улыбнулся шире. – Какая ты красивая!

– Ты тоже ничего, – сказала я, устраиваясь рядом в позе лотоса.

Мамуля очнулась и принялась улыбаться:

– Доча...

– Она самая, – кивнула я.

– Познакомься, это Максик.

Называть здорового мужика Максиком – белая горячка, но, взглянув на его сияющую физиономию, я тут же согласилась: это точно про него.

– И сколько стоит это счастье? – перешла я к насущному, не желая впадать в нирвану. Хотя уже тянуло.

– Доча... – укоризненно произнесла мама, косясь на Максика.

– И все же, мамуля, на какой кредит тебя здесь развели?

– Какой еще кредит? – фыркнула она.

– Это меня как раз и интересует. Если ты тут отираешься несколько дней, значит, тебе впарили абонемент, а денег на него у тебя нет. Надеюсь, ты не взяла абонемент на год?

– Да что ты прицепилась со своим абонементом?! – в сердцах воскликнула мама и добавила: – На месяц я взяла, на месяц!

От сердца малость отлегло. Может, обошлось без кредита? У нас уже было два: на телевизор, который никто не смотрел, и на мамину шубу, которую наверняка уже моль приканчивает.

– Максик одолжил мне денег, – счастливо сообщила мама.

– Под процент одолжил? – сурово осведомилась я.

– Нет, – засмеялся Максик моему предположению, точно забавной шутке. – Мама может вообще эти деньги не отдавать. Не проблема.

– Вы сейчас свою маму имеете в виду? Он доверчиво тарашился, а я продолжила: – Мама у нас теперь общая?

– Видишь, что творится? – заговорила мамуля, обращаясь к тренеру. – Я же говорила, ей нужна помощь.

– Будем медитировать? – обрадовалась я.

– Прекрати паясничать! – рявкнула мама, и Максик от неожиданности подпрыгнул.

Мамуля тут же расцвела улыбкой и притихла, а я поднялась и сказала:

– Рада, что у вас все хорошо.

– Доча, тебе требуется помощь...

– Это точно, – кивнула я.

– Первое, что ты должна сделать, освободить свое сознание...

– Пойду освобождать. Всего доброго.

Мама неохотно поднялась.

– Довезешь меня до дома? – спросила она.

– На чем? – Свою машину я продала месяц назад, чтобы расплатиться с самыми насущными долгами, но мама успела забыть об этом.

– Ах да...

– Давайте я вас отвезу, – предложил лучезарный Максик.

– А вам не надо еще немного помедитировать? – удивилась я.

– Не надо, – ответил он. – Мой рабочий день уже закончился.

– Счастье какое, тогда везите.

– Кошмарный характер, – прокомментировала мама. – Ослиное упрямство... Отцовские гены.

– Да, все плохое у меня от папы.

Я направилась к двери, а Максик спросил:

– У тебя неприятности?

– У меня хренова туча неприятностей. Боюсь, не рассосется, даже если сутками освобождать свое сознание.

– Ты разозлилась, что я о Константинове забыла? – вздохнула мама, сворачивая свой коврик. – Ну, извини, увлеклась. Как там старикан, живой?

– Надеюсь.

Очень захотелось сказать маме про картину, не только ей меня радовать, но при Максике делать этого уж точно не стоило. И я спешно покинула зал, а потом и фитнес-центр, ругаясь сквозь зубы.

До дома я добиралась довольно долго, а, оказавшись возле своего подъезда, на скамейке обнаружила Максика. На сей раз он был не в шортах и носках, а в джинсах и белоснежном пуловере, и я подумала, не хватает только крыльев и нимба над головой.

– Маму я отвез, – сообщил он застенчиво.

– Ты брачный аферист? Или тебе просто жить негде?

– У меня квартира в центре, а твоя мама – хороший человек и нуждается в помощи. Она очень несчастна.

– И что мешает ей быть счастливой? – вздохнула я.

– Отсутствие любви.

– Ну, теперь-то, как я понимаю, с этим порядок.

Он весело засмеялся.

– Она вовсе не влюблена в меня, как ты, наверное, решила, – вдоволь насмеявшись, заявил он.

– Ага, вы просто родственные души.

– Лучше не скажешь. Не так часто встретишь человека, с которым даже помолчать приятно... Таковыми людьми надо дорожить.

– Ага. А здесь-то ты с какой стати устроился?

- Мама беспокоится. Ей кажется, у тебя неприятности.
- Кажется? Передай маме, со вчерашнего дня мало что изменилось.
- Я знаю о ваших трудностях. Мама мне все рассказала. Вы можете на меня рассчитывать.
- В смысле – вместе ограбим банк?
- Это противозаконно. Совершать противозаконные поступки – значит...
- ...послать свою карму на фиг, – подхватила я.
- Ну, можно и так сказать, – пожал плечами он. – А что у тебя в пакете?

Должно быть, парень решил сменить тему, но весьма неудачно. При упоминании о пакете меня заметно перекосило.

- Портрет, – ответила я.
- Твой?
- Нет, одного малопривлекательного дяди. Между прочим, его обессмертил Пикассо.
- Типа у тебя в пакете картина Пикассо?
- Типа да.
- Прикольно.
- Не факт. Ладно, маму будем спасать завтра. Я, так и быть, спасусь сама. Всего доброго.
- Рад был познакомиться, – сказал Максик, протягивая мне руку.
- А уж я как рада.

Он аккуратно пожал мою ладонь и зашагал к машине, старенькому «Ленд Крузеру», что притулился на въезде во двор.

- Охренеть, – пробормотала я, подводя итог этого дня.

Полночи я не могла уснуть. Ожидала то звонка от Верки, то появления полиции с ордером на арест.

Вскочила в семь. С трудом дождалась восьми утра и поехала к Константинову. К девяти должна была вернуться Светлана. Если повезет, Верка дом тут же покинет и я наконец избавлюсь от Пикассо.

Еще только свернув в переулок, я поняла: дело плохо. Точнее, я знала это с того момента, когда вчера вечером не смогла попасть в дом. Теперь самые жуткие опасения материализовались в виде сразу трех полицейских машин, стоявших у ворот.

– Пикассо... – простонала я, в том смысле, что меньше трех машин ему уж точно не полагается, и притормозила.

Первым побуждением было идти в дом и сдаваться. Объясню, как все было, позора не избежать, но посадить вроде не должны, раз сама пришла и картину вернула. Хотя... тут же потянуло бежать отсюда со всех ног... Это-то я могу, а с картиной что делать? Спрятать где-нибудь, а когда все уляжется, каким-то образом незаметно вернуть. Подозревать первым делом начнут меня и Светлану Петровну. А тут еще мой поспешный уход вчера...

Я топталась на месте, понимая, что пора решаться. Чертыхнулась и зашагала в супермаркет по соседству. Сунула пакет в ящик для хранения вещей на входе, для вида прошла по магазину и отправилась к дому Константинова.

Чем ближе я к нему подходила, тем очевиднее становилась вся глупость моего вчерашнего поведения. Надо было дождаться Верку, а потом хоть оглушить ее, тем самым ненадолго избавившись, и вернуть портрет на законное место.

- Я уже подходила к калитке, когда услышала голос Светланы Петровны:
- Евочка!

Я повернулась и увидела, что сиделка бегом меня догоняет, развив весьма приличную скорость, и это при больных коленях, на которые она вечно жаловалась.

– Доброе утро, – поприветствовала ее я, с опозданием сообразив, что звучит это как-то издевательски.

– Доброе? – поравнявшись со мной и пытаясь отдышаться, пробормотала она. – Ты что, не видишь? У нас полиция. Ох, чуяло мое сердце... Стерва Верка не пришла, и с этим старым хмырем что-то приключилось.

– Что вашему хмырю делается?

– А чего тогда полиция?

Мы ускорились и вошли в калитку, которую Светлана открыла своим ключом. Когда мы поднимались по лестнице, входная дверь распахнулась, и мы увидели мужчину лет сорока в джинсах и белой рубашке навывпуск.

– Светлана Петровна? – спросил он, обращаясь к сиделке.

– Да, – прошептала она.

– А вы? – повернулся он ко мне.

– Я... я здесь убираюсь.

– Ева Рогужанская? – уточнил он, я молча кивнула, и мужчина сказал: – Проходите.

На негнущихся ногах я вошла в холл, следом двигалась Светлана, бормоча под нос:

– Господи, господи...

Очам моим вскоре предстала довольно странная картина: человек пять мужчин передвигались по первому этажу, невероятно деятельные и явно чем-то занятые, правда, непонятно чем. Взгляд мой замер на ближайшем ко мне упитанном дяде хорошо за пятьдесят, и до меня вдруг дошло: отпечатки пальцев снимает, по крайней мере, очень на это похоже.

Тут взгляд мой переместился в гостиную (двустворчатые двери были распахнуты), и я увидела рыдающую Верку, которой один из мужчин сунул в руку стакан воды. Рядом бегал Олег и горестно вопрошал:

– Что ты натворила...

В этот момент он заметил нас и кинулся навстречу. Я испугалась, решив, он ко мне так торопится с намерением уточнить в грубой форме, где портрет, но рвался он, как выяснилось, к Светлане Петровне.

– Как вы могли?! – заголосил он.

«Неужто он ее подозревает?» – испуганно подумала я, а Олег продолжил, окончательно все запутав:

– Оставить больного человека... одного... вы... вы за это ответите! – погрозил он пальцем.

– Так это... я же... батюшки светы, да что случилось?

– Я добьюсь, чтобы вас наказали по всей строгости! – кричал Олег, а Верка, отставив в сторону пустой стакан, сказала:

– Ночью в дом влезли. И дядю убили.

Услышав это, Светлана Петровна повалилась в ближайшее кресло, мне кресла не досталось, и я продолжала стоять, открыв рот.

– Как убили? – с трудом спросила я. Мужчина, находившийся рядом, пожал плечами.

– Каминными щипцами. Два удара по голове.

– Оказывается, дядюшка мог передвигаться самостоятельно, – нервно хмыкнула Верка. – Грабители бродили в доме, а он, должно быть, что-то услышал и пошел проверить. Не лежалось ему...

– Ты думаешь, несчастного старика не тронули бы, останься он в спальне?! – рявкнул Олег. – Если бы ты вела себя как нормальный человек и пришла вовремя...

– Меня бы замочили вместе с ним. Спасибо, братик.

Олег досадливо махнул рукой и вновь повернулся к Светлане, которая копалась в сумке в поисках корвалола, воды ей уже принесли. Я продолжала пребывать в прострации, пока один из мужчин, кивнув в сторону кухни, не сказал:

– Пройдемте, пожалуйста, наш коллега задаст вам несколько вопросов.

Я пошла. Тут взгляд мой задержался на кровавом пятне на полу, неподалеку от двери в комнату Константинова. Я издала слабый писк, но на ногах удержалась. Выходит, труп уже увезли. И слава богу. То есть слава богу, что хотя бы видеть его не пришлось.

Мы устроились в кухне, и я подробно рассказала о вчерашнем вечере молодому мужчине, назвавшемуся Юрием Дмитриевичем Кочановым, о картине трусливо умолчав.

– У вас был ключ от дома? – задал очередной вопрос Юрий Дмитриевич.

– Нет. В этом не было необходимости. В доме всегда находилась сиделка или кто-то из родственников.

– А у сиделок ключи были?

– Не знаю.

– Ева Станиславовна, – улыбнулся он, – я вот смотрю на вас и гадаю: почему такая красавица, к тому же с образованием, судя по вашей речи, работает уборщицей? Что, очень хорошо платили? Или была еще причина?

«Упс, – подумала я с большой опаской. – Меня подозревают в сговоре с убийцей. Устроилась к старику, все тут разнюхала, еще и ключи свистнула».

– Платили немного, – стараясь не впадать в панику, ответила я. – Вообще-то здесь работает моя мама, а я ее иногда подменяю.

– Мама приболела? – сочувственно спросил он, должно быть, мнил себя большим хитрецом. Очень захотелось дать ему в нос, то есть дать в нос кому-либо тянуло с раннего утра, а этот просто нарывался, но я, само собой, сдержалась.

– Можно сказать и так... Мама иногда выпивает, – добавила я со вздохом. – Не то чтобы часто, но... с работой проблемы. Это место ей нашла соседка, и я им дорожу хотя бы потому, что могу маму подменять, если что. Далеко не везде это возможно.

– Вот оно что, – сочувственно покивал он. – А вы где работаете?

– До недавнего времени в фирме «Взаимовыручка», – с большой неохотой ответила я. – Сейчас работаю дистанционно, сотрудничаю с несколькими фирмами. Налоги плачу, – добавила на всякий случай.

Стоило мне упомянуть «Взаимовыручку», как Кочанов помрачнел. И неудивительно. Небось тут же записал меня в злостные жулики, а если он на этой «Взаимовыручке» погорел, то мне не позавидуешь. Дело в том, что развод родителей и мамина тяга к нирване – далеко не единственное мрачное пятно в моей жизни. У меня этих пятен как грязи по осени, и «Взаимовыручка» – одно из самых жирных и больших. Устроилась я в фирму после института, и счастью моему не было границ. С работой в городе не особо, а тут еще и платят прилично. Точнее, поначалу я устроилась в строительную фирму «Вертикаль», трудилась не покладая рук, выросла до начальника отдела, была замечена и через три года переведена в головной офис. Как раз к тому моменту на местном телевидении начали крутить рекламу «Взаимовыручки», нашего дочернего предприятия, о чем бодрым голосом сообщал ведущий. По сути это была очередная пирамида, которую худо-бедно прикрывали вполне благополучные фирмы, та же «Вертикаль», к примеру, или колбасный цех. Наш хозяин мог жить припеваючи, развиваться и дальше, богатея в почете и уважухе. Но идея, как оказалось, была в другом: урвать сразу много и смыться. Идея не нова, но обычно ею увлечены люди, у которых нет ни «Вертикали», ни мясных цехов, а есть только желание отхватить кусок побольше. У моего хозяина было много чего, оттого некоторое время я пребывала в уверенности, что все нормально и начальство знает волшебную формулу, как из ста рублей сделать сто тысяч. Я вновь была замечена и повышена, и вскоре сомнения меня оставили: флагман областного бизнеса, благодаря которому мы впереди прочих регионов по экономическому развитию, – обычная пирамида и долго не протянет. Денежки граждане отдавали нам весьма охотно, еще бы, ведь из каждого утюга доносились призывы нести свои сбережения во «Взаимовыручку», на благо развития региона, а не хранить их в прочих местах под ничтожный процент или вовсе без него.

Для начала я поговорила с мамой. Она пришла в ужас и посоветовала никуда не соваться. Папа поохал, поругал страну и поспешил забрать триста тысяч, которые успел отнести во «Взаимовыручку». Я поговорила со своим непосредственным начальником, он взглянул из-под очков, вздохнул и доверительно шепнул, придвинувшись ко мне поближе:

– Помалкивай об этом, ок? Год как минимум мы еще протянем. Наша с тобой задача какая? Вовремя соскочить.

– Миша, – возразила я, – они же народ дурят! К нам из соседних областей люди деньги везут.

– Ты что, прокурор? – нахмурился Миша. – Кстати, не удивлюсь, если он в доле... Короче иди работай и не забивай голову всякой хреню.

В своем кабинете я выпила водички и задумалась. Представлять, что будет через год, когда пирамида рухнет, даже не хотелось. Я пыталась относиться к происходящему как Мишка: главное – соскочить вовремя и все такое. Но как Мишка не получалось, и, когда я смотрела на радостных пенсионеров, толкущихся возле офисов «Взаимовыручки», мне, как маме сейчас, хотелось в нирвану.

В конце концов я решила бороться и развила прямо-таки бурную деятельность. Намек Мишки на прокурора впечатление произвел, и я, проигнорировав местную власть, сразу подалась в Москву. Больших чинов побеспокоила, в высоких кабинетах побывала. Случилось это незадолго до выборов, когда власть, как известно, становится податливее. Меня приняли, выслушали и обещали разобраться. Добилась я одного: пирамида рухнула куда быстрее. Хозяин сбежать за границу не успел, но никого я этим не спасла. То есть моральное удовлетворение при виде новоявленного олигарха за решеткой граждане, может, и получают, а вот денежки свои – нет. Мне же досталось весьма крепко! Осмолов Петр Витальевич, недавний небожитель, друг губернатора и хозяин этой самой «Взаимовыручки», обвинял меня во всех смертных грехах, от рейдерского захвата до попытки отравления. Учитывая, что мы ни разу не встречались, последнее выглядело особенно смешно. Но смеяться я перестала довольно быстро. Обманутые вкладчики куда охотнее растерзали бы меня, а вовсе не жулика Осмолова. Тот, кстати, пригрозил, что жить мне осталось совсем ничего, и это тоже не радовало. Последней каплей или, лучше сказать, последним гвоздем в крышку гроба явилось известие, что мама отнесла во «Взаимовыручку» свои сбережения, которых в принципе быть не могло. Если совсем просто: мама взяла кредит в трех банках в надежде быстро разбогатеть. И не стала забирать деньги даже после разговора со мной.

«Как велика в людях жажда обогащения!» – могла бы я воскликнуть философски, будь у меня на это силы. В общем, я оказалась в долгах как в шелках, с перспективой ранней кончины и с «добрыми» пожеланиями от граждан, к которым даже мама присоединилась. Конечно, оторвать мне руки-ноги она не грозила, но горестно вздыхала:

– В кого ты у меня такая! Другая бы... – Тут она обычно махала рукой. – Еще когда ты в четыре года притащила домой кошку со сломанной лапой, надо было насторожиться. А теперь все одно к одному...

Кроме кошки, мама еще много чего припомнила, складывалось впечатление, что существо я злокозненное, людям от меня одна погибель, большая загадка, как меня вообще земля носит.

Именно эта мысль отчетливо читалась сейчас на физиономии Кочанова.

– Так вы та самая Рогужанская... – произнес он и невольно скривился.

– Та самая, – кивнула я. – Так что с работой у меня туго.

– Еще бы, – хмыкнул он. – Мне, кстати, трех недель не хватило, чтоб вклад получить.

– Моей мамуле тоже.

– Seriously?

– А то. Халява – верный путь к разочарованию, – мстительно добавила я.

– И как вам сейчас живется? Чувствуете себя героиней?

– Ага, особенно со шваброй в руках.

– А чего не уедете?

– Не могу. Следствие еще не закончено.

– Ах, ну да... – покивал он, глядя на меня со смешанным чувством печали и жалости. Не ясно, к чему эта жалость относилась. К невозможности мне голову оторвать или естественному сочувствию к убогим. И то и другое совсем не радовало.

Тут Кочанов тряхнул головой, словно освобождаясь от лишних мыслей, и спросил:

– Что можете сказать о хозяине?

– Да ничего, – пожала плечами я. – Довольно вредный старик. О покойниках плохо не говорят, но ничего хорошего мне о нем неизвестно.

Кочанов усмехнулся.

– Вредный? Что это значит?

– Любил говорить гадости и пакостил в меру сил, особых возможностей для этого не было, но он старался.

– Он вам не нравился?

– Я с ним практически не общалась. Доставалось в основном сиделкам, их и расспросите.

– А враги у него были?

– Это уж к родне... – усмехнулась я.

– Сиделки часто менялись?

– Я знаю трех, последнее время Светлану Петровну видела чаще других. Но я бываю здесь от случая к случаю.

– А у Светланы Петровны какие были с ним отношения?

– Она сиделка и, насколько мне известно, свою работу выполняла хорошо. А об отношениях надо ее спрашивать.

– Спросим, – вздохнул Кочанов. – Работу выполняла хорошо, но старика одного оставила...

Я решила, что мои комментарии не требуются, и промолчала, а Кочанов вновь задал вопрос:

– Старик ведь человек состоятельный?

– Откуда мне знать? – удивилась я.

– Как же... вы в доме убираете, многое видите...

– Я в шкафы не заглядываю, а так особых богатств незаметно. Часы из бронзы, посуда и мебель старая... Может, все это денег стоит, но я в этом не разбираюсь.

– Родня говорит, вскрыт сейф, в котором были деньги, похищены золотые украшения покойной супруги и картины.

При этих словах сердце у меня заныло.

– Картины? – машинально переспросила я.

– В гостиной из рам вырезали три холста.

Картины в гостиной я отлично помнила. Не раз, протирая рамы, смогла их как следует рассмотреть. Два сельских пейзажа и один морской. Подписи на всех трех неразборчивые. Картины особенного впечатления не произвели, о чем я Кочанову и сообщила, добавив, что в живописи тоже не сильна.

– Одна из похищенных картин стоит целого состояния, – продолжил он, сердце вновь заныло, а Кочанов перешел на шепот: – В доме, оказывается, был портрет работы Пикассо.

– Это тот, что на втором этаже висит? – спросила я.

– Висел, – поправил Кочанов. – Вы знали, кто автор портрета?

– Олег как-то сказал, но я, если честно, не поверила. Думала, прикалывается.

– Почему?

- Да он вообще приврать любит, ну а потом... Откуда у нас мог Пикассо взяться?
- Да уж... – согласился Кочанов. – О портрете вы кому-нибудь рассказывали?
- Нет, – твердо ответила я. – Я вообще не придавала словам Олега значения.

В тот момент я исходила нервной дрожью, все больше погружаясь в бездну отчаяния. Какого лешего я сразу не сказала, что портрет стащила? В смысле, вынесла из дома, чтобы заменить стекло. Соврала с перепуга, и вроде даже против воли, а теперь гадала, как это исправить. Если бы не история с пирамидой, я бы обо всем честно рассказала, лишь только вошла в дом. И портрет не стала бы прятать. Однако из недавнего опыта следовало: далеко не всеми и не всегда честность приветствуется. Бывает, за нее охотно могут голову оторвать (что мне, собственно, и пообещал Осмолов), а тут еще убийство.

Картину можно вернуть иначе, к примеру, подбросить или указать ее местонахождение, анонимно позвонив по телефону. Согласна, звучит довольно глупо, но иметь дело с полицией мне совершенно не хотелось. Я вспомнила вчерашнего дядьку в мастерской. Черт дернул меня про Пикассо сказать! Если он узнает о краже в доме старика, наверняка позвонит в полицию. Или не позвонит, решив, что разумнее в стороне остаться? Все это требовалось хорошенько обдумать в спокойной обстановке, а сейчас я продолжала врать без зазрения совести, подозревая, что это выйдет мне боком. И правильно. Бабушка всегда повторяла: вранье – кратчайшая дорога к каторге. Бабушка – шутница, вокруг врут все кому не лень и сидят не на каторге, а в кабинетах с видом на Кремль.

Тут мне стало совсем грустно, но в намерении врать и дальше я лишь укрепилась.

- Со Светланой Петровной у вас какие отношения? – задал очередной вопрос Кочанов.
- Нормальные. У нее своя работа, у меня своя.
- А матушка ваша...

Вопросы о матушке мне совсем не понравились. Понятно, куда ветер дует. Мама подружилась с зеленым змием, лишилась приличной работы и пошла в уборщицы, следовательно, в деньгах нуждается, а ее социальная сознательность под воздействием алкоголя уверенно стремится к нулю. Говоря проще, запросто могла связаться с сомнительными личностями и навести убийц на этот мирный дом.

Я отвечала максимально доверительно, пытаюсь убедить Кочанова, что мама сомнительных личностей не жалуется. Говорили мы долго. У меня разболелась голова, очень хотелось в туалет, о чем я стеснялась сказать, но между делом кое-что выяснила. В дом вломились после полуночи, грабителей, скорее всего, было двое. Лев Сергеевич, услышав шум, вышел из спальни. Следователя сей факт удивил, а меня не очень. Я и раньше подозревала, что не так уж он и плох, но помалкивала, раз уж не мое дело. Была еще версия: грабители вытащили Константинова из постели, чтобы устроить допрос. По мне так, глупость: отчего бы этот допрос не устроить в спальне, тем более что сейф, как выяснилось, находится там, под неусыпным оком старика?

В общем, ясной картины не наблюдалось ни у следователя, ни тем более у меня. Одно хорошо, мне сказали, что я могу идти, и я поспешно покинула дом, перед этим забежав в туалет. В гостиной сидела нахохлившаяся Верка, в комнате старика всхлипывала Светлана Петровна.

Я вышла на крыльцо, следом за мной появился Олег, нервно закурил. Я сказала:

- До свидания.
- Подожди. – Он глубоко затянулся, а я ждала, что будет дальше, ничего хорошего от судьбы не ожидая. – Ты чего сегодня пришла? – спросил Олег.
- Вчера не успела до конца убраться, – вяло отозвалась я, игра в вопросы и ответы изрядно надоела. – Сбежала пораньше, чтобы за Светлану не оставаться.

Он сверлил меня взглядом, я поняла, что мой ответ кажется ему подозрительным. И мысленно вздохнула.

– Я не верю, что Петровна как-то причастна... – начал он, я поспешно кивнула:

– Ага. На всякий случай, я здесь тоже ни при чем.

– Ну, на тебя вряд ли кто подумает, учитывая твою репутацию. – Тут он кисло улыбнулся, а я нахмурилась.

– Репутацию? – переспросила, не очень-то понимая, куда он клонит.

– Ты ведь девушка на удивление честная. Могла бы счет открыть в Швейцарском банке, а вместо этого полы намываешь. Так что вряд ли тебя заподозрят.

– И правильно, – буркнула я. – С какой стати меня подозревать?

Судя по взгляду Олега, он в этом вовсе не был уверен, и я поспешно с ним простилась. Вообще-то, его слова должны были успокоить. В самом деле, если меня в Москву носило за правдой, вряд ли я войду в преступный сговор с грабителями. Но Олег в этом как будто сомневался. Смотрел на меня с подозрением, или у меня глюки на нервной почве? Насчет швейцарского банка он дал маху, зарплату я получала приличную, но вряд ли бы она заинтересовала тамошних банкиров. Все денежки стекались к Осмолову и его приближенным.

Я ненадолго заглянула в супермаркет, взяла портрет и немного постояла, пялясь на людей в торговом зале. Требовалось срочно решить, что делать дальше. Самый простой выход – оставить картину здесь и позвонить в полицию. Я избавлюсь от Пикассо, что значительно облегчит мне жизнь. Выход самый простой, но не самый умный. Здесь наверняка есть видеокамеры, и меня вычислят на раз. Можно позвонить не в полицию, а Олегу. Вдруг он на радостях про камеры не вспомнит? Он-то, может, и не вспомнит, но появление картины ему объяснить придется, следовательно, второй вариант не лучше первого.

Я побрела к выходу, чувствуя, что в настоящий момент ничего толкового придумать не в состоянии. Пакет оттягивал руку, напоминая о шаткости моего положения. Держать его дома совершенно не хотелось. А ну как явятся с обыском? У мамы тем более прятать нельзя. Остаются Олеська и Кирюха. Ну и папа. А если к ним тоже нагрянут? Может быть такое? Вообще-то, для этого нужны основания, но впутывать в свои проблемы близких очень не хотелось. Вскоре стало ясно: одна я точно ничего не решу, требуется совет, желательно гениальный.

Первым делом я подумала о папе. Хотя его образ с гениальностью в моем сознании точно никак не связан. Однако я помнила папины слова: «Девочка моя, ты можешь прийти ко мне с любой проблемой. Папа всегда поможет».

Похоже, сейчас такой случай. И я отправилась к папе. Дверь мне открыла Раиса, в фартуке с рюшами, пахнувшая пирогами, с широкой улыбкой и святой верой в безоблачное счастье. Эта самая вера здорово бесила, наверное, потому, что мое счастье где-то загуляло.

– Евочка! – запричитала она, втягивая меня в прихожую. – Папы нет, он в магазин пошел, а я тебя пока пирогами накормлю.

Своих детей у Раисы не было, рожать ей, пожалуй, поздновато, хотя кто ж знает... Но, пока их не было, она решила удочерить меня, то есть всячески демонстрировала большую любовь и желание жить душа в душу. На самом деле я была не против, уж если папу угораздило в нее влюбиться... Но в редкие наши встречи я чувствовала себя ужасно виноватой, так что пироги и плюшки поперек горла вставали, ибо маме наша дружба точно бы не понравилась, а маму огорчать не хотелось.

Я устроилась за столом и принялась жевать, прихлебывая чай из чашки, которую Раиса считала моей. Чашка была пузатенькой, с портретом толстощекой красотки с цветочком в руках. Раиса то ли свято верила, будто все дети до пенсии остаются детьми, то ли просто считала, что мое развитие успешно завершилось годам к одиннадцати, но подарки неизменно дарила такие, точно я еще в начальной школе. Подарки, кстати, она делать любила. Папа то щеголял в носках ярко-оранжевого цвета, то в командирских часах, то в кепке с надписью «Секьюрити». Но все это их безоблачного счастья не нарушало. Каждый раз, сидя напротив Раисы, я думала: конечно, мамуля не подарок, но папа мог выбрать кого-то посерьезнее, что ли.

Мама, само собой, заявляла, что папуля тоже без царя в голове, и мстительно добавляла: «За пироги проданся». Последнее казалось мне куда более вероятным. Пироги у Раисы знатные.

– Как твои дела, солнышко?

У нее все были солнышками, зайчиками, а папа – котиком.

«Неужто и я буду своего мужа так называть?» – с тоской подумала я.

«Ты для начала замуж выйди, – ехидно отозвался внутренний голос, как всегда некстати. – Похоже, тебе ничего не светит, кроме тюремного заключения».

– Нормально, – ответила я, невольно хмурясь. Мысль о портрете аппетит изрядно портила.

– Как мама?

– Тоже нормально.

– Работает?

– Да.

– У меня подруга... в общем, им бухгалтер нужен. Может, мама...

Идея сообщить маме, что Раиса проявляет заботу и собирается ее трудоустроить, у меня восторга не вызвала. Мамуля разгневется и, вполне возможно, лишится нынешней работы, потому что гнев ее заканчивался весьма предсказуемо, ибо пожар в душе простая вода не потушит, разве что сорокаградусная.

Тут я довольно громко скрипнула зубами, с опозданием сообразив: мамуля работы почти наверняка лишилась. Или лишится вот-вот. Дом наследники продадут. К тому же маме предстоит встреча со следователем, и, возможно, не одна. И что им наговорит мама, большой вопрос. Поговорить она, в общем-то, любила. И кстати, до сих пор не знает всех обстоятельств, потому что любимая дочь забыла сообщить ей об этом.

– Спасибо, – промямлила я, добавила: – Я сейчас, – и кинулась на балкон звонить маме.

Слава богу, трубку она взяла сразу и, судя по голосу, была трезва.

– Мама, у меня плохие вести. – Я не стала ходить вокруг да около.

– Неужто старик помер?

– Не помер, убили.

– Да ладно. – Мама завозилась, чем-то грохнула и продолжила: – Как это?

– Тебя что конкретно интересует?

– Все. Давай ко мне. Расскажешь. Что, правда, убили?

Я поспешила проститься, решив, что при Раисе, которая маячила за дверью, продолжать не стоит.

Тут вернулся папа, мы вновь устроились за столом. Виновато на меня поглядывая, папа бодро отзывался на котиков и зайчиков, хвалил пироги и радовался моему приходу. Минут через десять стало ясно: ничего рассказывать о картине я не буду. Папа даст разумный совет, которому я наверняка не последую, а его уютному, хоть и малость приторному, счастьем я нанесу урон. Даже если он будет незначительным, папу все равно жалко.

В общем, я ответила на стандартные вопросы, доела пирог и, поцеловав на прощание папу, отправилась к маме.

Возле подъезда стоял джип Максика. Может, он, в самом деле, на мамину жилплощадь нацелился? Тут он не угадал – к ней прилагается куча долгов. Хотя держать ухо остро все равно бы не помешало.

Дверь я открыла своим ключом, из комнаты доносились звуки флейты. Мама и Максик медитировали, сидя на полу друг напротив друга.

– Вы насовсем в астрал переселяетесь? – спросила я, садясь в кресло.

– Привет, доча, – сказала мама, поворачиваясь ко мне. – Я решила, в такую ужасную минуту рядом должен кто-то быть.

– Давай ты лучше кота заведешь? – предложила я, игнорируя улыбающегося Максика. – По-любому затрат меньше, и можешь спихнуть кота мне, когда он тебе надоест. Назовем его Максик, чтобы тебе привычнее было.

– Не обращай внимания, – покаянно сказала мама, обращаясь к тренеру.

Мои слова его непоколебимого спокойствия не нарушили, он продолжал улыбаться, светло и загадочно, точно Мона Лиза.

– Что там со стариком? – поднимаясь с пола, спросила мама.

– Убили, – пожалла плечами я. – Ночью в дом вломились воры, старик вышел их встречать...

– Значит, Верка так и не явилась?

– Пришла под утро.

– Ужасно лишать жизни живое существо, – влез Максик, тоже поднимаясь.

– Точно, – кивнула я. – Еще ужаснее делать это в доме, где трудилась мама. Кстати, нам придется подумать о работе, есть место бухгалтера на примете. Ты как?

Мама махнула рукой, давая понять, что сейчас это не важно.

– Давай по делу. – И без перехода спросила: – Закурить есть? – Тут взгляд ее пал на Максика, и она чертыхнулась.

– Три глубоких вдоха, – напомнил он.

Мама задышала. Я продолжила рассказ, и дышать маме приходилось все чаще, пока она не взмолилась:

– Дочь, сходи за сигаретами!

– В доме есть мужчина, – напомнила я, меня бы вполне устроило, удались Максик хоть ненадолго.

– Даже не думайте, – покачал головой он. – Курение убивает.

– Светлая мысль.

– Не потакать своим минутным желаниям, а просто отпустить проблему, – сладким голосом продолжил он, обращаясь к маме.

Ее слегка перекосило, что меня порадовало: вполне вероятно, Максик скоренько нас покинет. Терпение никогда не было сильной маминой стороной.

Я продолжила свой рассказ, о портрете, само собой, умолчав. Впрочем, даже не будь здесь Максика, я бы вряд ли решилась об этом откровенничать. В плане мудрых советов мама не сильна, а расстроится почти наверняка. И, что немаловажно, запросто может проговориться, хотя бы тому же Максику. В общем, мой рассказ сводился к вероятным неприятностям, которые, скорее всего, ограничатся пристальным вниманием полиции.

– Мы по уши в дерьме, – заявила мама.

«Да ну? – подумала я. – Вот уж новость».

– Я этих упырей знаю, – погрозила она кулаком, разворачиваясь к окну.

Кто такие эти упыри, не уточнила, одно хорошо: обитали они вне ее квартиры.

– Им лишь бы засудить невинного человека! Помяни мое слово: все на нас свалят. Или на Светку... Она хвалилась, у нее племянник в ФСБ, значит, на нас.

– Мы живем в правовом государстве, – тут же влез Максик.

Но я перебила:

– Это ты живешь, а нам не повезло.

– Откуда такой скептицизм? – возмутился он. – Я уверен, никому и в голову не придет обвинять вас. С какой стати?

– С той, мальчик мой золотой, что у сильного всегда бессильный виноват, как сказал Пушкин, – заплакала мама, а я аккуратно поправила:

– Крылов.

– Что?

– Крылов сказал. Это басня.

– Выучила на свою голову! Да что за характер! – всплеснула руками мама. – Хоть бы раз промолчала из уважения к матери.

– Просто Ева любит точность, – поправил Максик, по обыкновению улыбаясь.

Улыбка была открытой и честной и теоретически должна была вызывать доверие. Но у меня почему-то не вызвала.

– Кстати, тебя тоже в оборот возьмут, – ласково сообщила я. – Заодно узнаешь, в какой стране живешь.

– Максик-то здесь при чем? – нахмурилась мамуля.

– Начнут проверять наши связи и его вниманием не обойдут. Появился он недавно, и ваша внезапная дружба обязательно вызовет подозрения.

– Ничего страшного, – закивал Максик.

– Кстати, он тебя о работе, случайно, не выспрашивал?

– В общих чертах, – нахмурилась мама. – Ничего такого... в смысле не выспрашивал, а я не рассказывала.

– Ну и славно. Продолжайте дышать, а я пошла.

– Что, ты говоришь, у старика украли?

– Картины, еще, кажется, золото и деньги. Ты про сейф знала?

– Нет. В доме был сейф?

– В спальне.

– А что за картины? – опять встрял Максик.

Тут я вспомнила, что вчера сболтнула про Пикассо, и поморщилась. Кто меня весь вечер за язык-то тянул! Пикассо, Пикассо...

– Висели какие-то в гостиной, – отмахнулась я. – Кто предупрежден, тот вооружен, – добавила, направляясь к двери.

– Это римское выражение, – счастливо улыбнулся Максик.

– Правда? Ну, римское так римское.

Мой пакет стоял в прихожей. Я с тоской взглянула на него, гадая, где бы его забыть. А вдруг кто-нибудь не поймет, что это Пикассо, и в мусорку отправит? По моему мнению, там портрету и место, но произведение искусства надо сохранить, а не по помойкам разбрасывать. Сунув его под мышку, я покинула квартиру.

Тут и позвонила Олеська.

– Куда пропала? – с намеком на обиду спросила она.

– Давай я тебе позже перезвоню, поболтаем в спокойной обстановке.

– Ну, давай. А у тебя все нормально? Голос какой-то напряженный.

– В доме, где работала мама, хозяина убили.

– Этого противного Льва?

– Точно.

– Ужас. А кто убил?

– Откуда мне знать?

– Ладно, не злись, потом все расскажешь. Как приедешь домой, сразу звони мне. Ужас, – повторила она. – Просто страшно жить.

Я убрала мобильный и побрела к остановке. Из потенциальных советчиков оставалась лишь Олеська, но на нее я тоже не особо рассчитывала – начнет кудахтать, а дельного ничего не скажет.

Добраться отсюда до моей квартиры можно было двумя общедоступными способами: на автобусе и на троллейбусе. Автобусная остановка находилась совсем рядом, но автобусы ходили редко, с троллейбусами дело обстояло лучше, но идти к остановке значительно дальше.

Погруженная в размышления, я пропустила нужный поворот, тем самым сделав выбор в пользу автобуса. Он наверняка отошел совсем недавно, обычно здесь толпится народ, а сейчас на скамейке сидел тип в полосатой майке-алкоголичке и пил пиво из бутылки, лениво поглядывая по сторонам. Ростом под два метра и килограмм сто веса, мышцы на руках бугрились. На предплечье наколка: парашют и надпись «ВДВ». С некоторых пор brutальных мужчин я недолюбливала, вот и предпочла держаться подальше. Он взглянул на меня и улыбнулся, зубы у него оказались ослепительно-белыми, что сбивало с толку: обычно у таких типов зубов заметно не хватает, а тут нате вам, голливудская улыбка. Физиономия, кстати, у него была вполне симпатичной, чувствовались в нем молодецкий задор и лихость, которые так милы многим женщинам. Еще совсем недавно я была из их числа. В словаре русского языка у слова «лихой» гораздо больше положительных определений, чем отрицательных, хотя «лихой человек» – тот же разбойник, но разбойничков на Руси всегда любили и, вместо того чтоб примерно наказать, слагали о них песни. Хотя одно другому не мешало. Короче, недавнее знакомство с одним лихим парнем заставило меня пересмотреть отношение к данной категории граждан, и теперь ничего положительного я в них не видела.

В ответ на улыбку я сурово нахмурилась и продолжила стоять, хоть парень передвинулся на скамейке, словно предлагая к нему присоединиться.

Тут в поле зрения появились двое полицейских, они шли к нам, поглядывая на верзилу. Вместо того чтобы убрать бутылку пива, тот сделал еще пару глотков. Дальше стало интересно: полицейские ускорили шаг, парень взглянул исподлобья и демонстративно отвернулся, мол, идете себе – вот и идите. Полицейские сменили траекторию, обходя остановку, и действительно ушли.

– Пить пиво в общественном месте нельзя, – не удержалась я.

– Так нет никого. – Голос у него был хрипловатый, на удивление красивый, как и его улыбка. – Нельзя так нельзя. – Он приподнялся и бросил бутылку в урну.

– День десантника вроде в августе? – продолжила я, неясно, чего это вдруг меня потянуло на разговоры. – Разминаетесь?

Он пожал плечами, расценить это можно было как угодно. Разговор сам собой увял, хотя верзила продолжал улыбаться. Я топталась по соседству, так и не рискнув сесть рядом с ним.

Вдруг откуда ни возьмись появился помятый «Ленд Ровер», затормозил, скрипя тормозами, оттуда появились двое добрых молодцев и бросились ко мне. Вместо того чтобы бежать, я хлопала глазами, потому что подобного развития событий совсем не ожидала, а надо бы, учитывая угрозы Осмолова и недавнее знакомство с brutальным мужчиной, который, кстати, тоже грозился. Но святая вера в то, что людей не могут хватать на улице вот так запросто, сыграла со мной злую шутку. Меня схватили под руки, а я лишь слабо пискнула, скорее от удивления. И лишь когда потащили к машине, понемногу пришла в себя и начала сопротивляться.

– Подергайся у меня! – пригрозил парень справа, я ответила «придурок» и наудачу ударила ногой. Куда-то попала, потому что парень матюгнулся.

– Отпустите меня! – заголосила я с опозданием, ища взглядом спасения. Улица была пустынная, и лишь тип в майке внимательно наблюдал за происходящим. – Помогите! – заვეрщала я отчаянно, не веря, что он придет на помощь. Сами подумайте, с какой стати? В наше время мужики – прагматики, и совершать подвиги их силком не заставишь.

Парень слева вновь матюгнулся, и меня попытались затолкать в джип. Я уперлась одной ногой в порог машины, а второй вновь наудачу ударила, продолжая орать.

Внезапно парень справа волшебным образом отвалился, а потом и парень слева. Но к этому моменту стало ясно: никакого волшебства, это верзила в «алкоголичке» наворачнул ему так, что тот отлетел метров на пять. Тот, что был справа, спокойно лежал у моих ног, то есть волшебство все же произошло: кому как не высшим силам я была обязана внезапному вмешательству?

Тут из тачки выскочил водитель и заорал дурным голосом:

– Стой на месте! – в руках его вытанцовывал пистолет, по виду самый настоящий.

– Башку-то совсем придавило? – изумился верзила, наблюдая эту сцену.

– Не подходи! – орал тип с пистолетом.

Его друзья слабо зашевелились, я вновь испуганно замерла – дуло, направленное в нашу сторону, заворачивало. Верзила подхватил за шиворот лежавшего у его ног парня и кинул в машину, точно сумку, это произвело сильное впечатление на меня и неизгладимое на типа с пистолетом. Я боялась, что он выстрелит, однако он только вращал глазами, довольно громко стуча при этом зубами.

Верзила шагнул влево, мой недавний конвоир бросился от него бежать, но сразу был пойман. Он весь сжался, ожидая удара, но, не получив телесных повреждений, оказался в машине вслед за дружкой.

Тут верзила обернулся ко мне.

– Ты с ними?

– Спят? – растерялась я, то есть растерянность к тому моменту достигла критической точки, после которой только в обморок.

– Ага, – кивнул он, захлопнул дверь и рявкнул, обращаясь к типу с пистолетом: – Вольно на хрен! – Тот дважды моргнул глазами, а верзила заорал: – Исчезни, твою мать!

Парень запрыгнул в машину, и она стремительно отчалила под взглядами вдруг появившихся прохожих.

– Спасибо, – молвила я, переводя дух.

Тут и автобус подъехал, но мне уже хотелось в другую сторону.

– Что за люди? – спросил верзила, автобус, к сожалению, тоже игнорируя.

– Не знаю, – потрясла головой я.

– Ты б держалась от таких подальше, – проворчал он, явно в моих словах сомневаясь.

Несмотря на мою искреннюю благодарность, в списке тех, от кого стоило держаться подальше, он занимал лидирующие позиции.

– Проводить? – спросил он.

Я покачала головой и, откашлявшись, поспешно ответила:

– Спасибо, не надо. Я вызову такси.

– Валяй, я подожду.

Автобус к тому моменту благополучно уехал. Я торопливо достала мобильный и вызвала такси, прикидывая, что делать, если верзила решит меня сопровождать. «Караул» кричать, вот что.

Такси подъехало буквально через пару минут, я запрыгнула на переднее сиденье и вздохнула с облегчением, потому что верзила ехать со мной не собирался. Махнул рукой на прощание и сказал:

– Пока.

– Спасибо вам огромное, – запричитала я и вторично вздохнула с облегчением, когда машина тронулась.

Домой я теперь не спешила. Прикинула, где стоит перевести дух, и поняла: таких мест – раз-два и обчелся. Оттого я решила ехать к Олеське. Но отправилась к ней не сразу, а с пересадкой, покинув такси на площади Победы. В общем, следы заметала. Глупость, наверное, но так спокойнее.

По дороге позвонила подруге, предупредила, что еду к ней. В подъезд входила с опаской. Однако враги здесь не подстерегали. Я поднялась на третий этаж. Дверь Олеськиной квартиры была открыта. Я вошла и тщательно проверила, сработал ли замок, и на всякий случай заперла дверь на щеколду.

Сбросила рюкзак, Олеська из кухни крикнула:

– Ты? – Я вошла и повалилась в кресло, стоящее в кухне возле окна. – Чего? – с сомнением глядя на меня, спросила подруга.

– Меня пытались увезти какие-то придурки.

– В смысле? – Олеська присела на табурет с картофелиной в одной руке и ножом в другой. Я застала ее в редкий момент кулинарного вдохновения.

– Ждала автобуса на остановке, вдруг подъехал джип, из него выскочили двое придурков и попытались запихнуть меня в машину.

– Ничего себе! – ахнула Олеська. – Это твой Каверин, точно. Дружков послал.

Замечание подруги показалось весьма здравым. Хотя до того момента я склонялась в сторону Осмолова.

Два месяца назад, в один совсем не прекрасный день, я шла по улице, размышляя о превратностях судьбы, своей, разумеется. На душе скребли кошки, отчаянно хотелось чего-то светлого, сильного мужского плеча рядом. Уткнуться бы носом любимому в широкую грудь и махнуть рукой на все беды.

Господь внял моим молитвам, плечо и грудь я получила, но так как помечтать обо всем, что к этому прилагается, я попросту не успела, то и получила то, что получила: Сергея Николаевича Каверина, мужчину, при виде которого в первую минуту у меня аж зубы заныли. Наверное, все-таки в преддверии неминуемой расплаты, хотя тогда казалось – от исступленного желания обладать таким сокровищем.

Итак, я шла печально-задумчивая, но, завидев расчерченные на асфальте клетки для игры в классики, в целях поднятия настроения запрыгала на одной ноге. Признаться, я думала, современные дети в классики уже не играют, и удивление смешалось с ностальгией по детству. В общем, я увлеклась. Со мной так бывает. Почувствовав на себе чей-то взгляд, вскинула голову и увидела припаркованный по соседству «Мерседес». Дверь его была приоткрыта, опершись на нее, стоял мужчина лет тридцати пяти и улыбался, светло и празднично, то есть в полном восторге от моих скачков. Я малость смутилась и замерла, а потом, заподозрив, что выгляжу глупо, спешно ретировалась.

Дверь за моей спиной хлопнула, послышались шаги, а вслед за этим раздался голос:

– Девушка, подождите, пожалуйста.

Оглянувшись, я увидела в паре метрах красавца-мужчину, который покинул свой «Мерседес», чтобы увязаться за мной. Вот тогда зубы и свело, а сердце сладко екнуло. До той поры подобные мужчины виделись разве что во снах, ну и еще в кинематографе. Он был просто неприлично красив. Темно-каштановые волосы, свиваясь в кольца, падали на плечи, солнцезащитные очки он поднял на лоб и смотрел на меня ярко-зелеными глазами, блестящими, точно изумруды. Губы наводили на грешные мысли. Мне захотелось сесть, а еще лучше прилечь, дабы не рухнуть без чувств от такой удачи. Мелькнула мысль: «А ну как он решил спросить, как проехать... все равно куда?..» Но я погнала ее прочь, ибо ясно было: в его новеньком «Мерседесе» наверняка имелся навигатор, а если все же нет, то мобильный у парня есть точно.

В общем, сердце продолжало сладко ныть, а внутренний голос не бурчал, против обыкновения, а повизгивал от восторга, повторяя:

«Это он, это он».

«Судьба наконец взялась за ум, – решила я. – И послала мне это сокровище, компенсацию за все мои беды».

В тот момент беды не особенно удручали, мало того, я была согласна пройти своим крестным путем еще раз, лишь бы получить вот такую награду.

– Куда вы так бежите? – подходя ближе, спросил он, протянул руку и добавил: – Сергей. Мне ничего не осталось, как представиться:

– Ева.

– Бог мой, что за имя! – запел он. – Вы необыкновенная девушка, и имя у вас необыкновенное.

– Правда? – решила я умерить его радость, сама удивляясь, с какой стати, может, права мама, и я существо с вредным характером? – У нас в классе две Евы были, а в садике – три.

– Но они точно не были такими красивыми, – нашелся Сергей.

– Пожалуй, соглашусь, – сказала я, а он засмеялся.

– Можно, я вас провожу? Или... – кивнул он на свою машину, – подвезу? Мы могли бы выпить кофе... где-нибудь.

Расставаться с мужчиной своих девичьих снов очень не хотелось, но трусить за ним в машину тоже было ни к чему, пусть не думает, что мне это за счастье.

– Здесь, в конце бульвара, есть кафе, – после легкой заминки ответила я. – Кофе у них вполне приличный.

– Тогда идем? – улыбнулся он и зашагал, ухватив меня за руку.

И счастье наполнило меня до краев – то, о чем я мечтала, но во что слабо верила, сбылось прямо на глазах.

В кафе мы просидели больше часа, успев поболтать о многом. О своей работе он говорил уклончиво, но так как я о своей тоже предпочитала помалкивать, то на данной теме мы не задержались.

Он предложил отвезти меня домой, но я решила особую заинтересованность не проявлять и ответила, что пройдуся по магазинам.

Мы обменялись телефонами, и через полчаса он уже звонил с предложением поужинать вместе. Я ответила, что с радостью, но не сегодня. У меня планы, и менять их поздно. В результате мы решили встретиться следующим вечером.

Я бросилась к Олеське с рассказом о чуде и с просьбой о помощи. У меня было платье, но не было подходящих туфель, зато они были у Олеськи.

Вторично поведав подруге, как выглядел мой новый знакомый, я ответила на три десятка вопросов от простенького «Как он тебе?» до практически философского: «На какой по счету встрече можно отправиться с парнем в постель, не чувствуя себя падшей женщиной?» И напомнила о туфлях. Получила их, а также благословение подруги вкупе с пожеланием ни в чем себе не отказывать.

На свидание Сергей явился с букетом, чего я точно не ожидала. Кирюха дарил мне цветы разве что на день рождения, выбирая те, что подешевле, а потом еще неделю жаловался на дороговизну и глупые обычаи, которые надо изживать. Сергей на цветы точно не скупился, букет был не огромным, зато стильным и дорогим. Я порадовалась, что купила это платье, несмотря на личный финансовый кризис. В нем и в Олеськиных туфлях я выглядела сногшибательно.

В ресторане на нас глазели. Я почувствовала себя на вершине блаженства и была в ударе. Сергей смотрел на меня с обожанием, а я изображала королеву. Вопрос о сексе не был поднят, хотя напрашивался, причем с обеих сторон.

Скажу сразу, до постели у нас так и не дошло, потому что на третий день речь зашла о моей работе, и я в расчете на поддержку и утешение рассказала про пирамиду. Сергей долго смеялся, что вызвало растерянность, а потом спросил:

– Серьезно, в Москву ездила?

– Здесь с ними бороться было бесполезно, у них же все куплено.

– А чем они тебе не угодили? Этот Осмолов, он что, приставал к тебе?

– Я его не видела ни разу, – сказала я. – Они жулики. Не могла же я им позволить людей обманывать.

– Почему? – брякнул он и тут же поправился: – Да, конечно.

Но было поздно. В душе моей зрели подозрения, что мой рыцарь далек от идеалов благородства и, очень может быть, нам с ним не по пути. Я, конечно, отказывалась в это верить, но приглядываться начала.

Как раз в это время меня пригласили на очередную «беседу» к следователю по поводу пирамиды. Следователь был в летах, разговаривал со мной отечески и даже поинтересовался, как мне теперь живется. В окружении благодарных сограждан, а еще без работы. Я ответила, что с работой все более-менее нормально, а свои геройские будни в деле развала очередной пирамиды я не афиширую, дабы не наполнять жизнь сплошным экстримом. Не забыла упомянуть про угрозы Осмолова, на что следователь сочувственно покивал, а потом ласково так продолжил:

– Ева Станиславовна, мне известно, что вы встречаетесь с одним мужчиной.

– Откуда известно? – пискнула я, следователь снисходительно улыбнулся.

– Признаться, очень был удивлен, зная, что вы за человек и что собой представляет ваш, так сказать, избранник. Не обижайтесь, но я счел своим долгом предупредить вас, потому как уверен, вы о нем мало что знаете.

– Вы кого имеете в виду?

– Каверина. Вы ведь с ним встречаетесь?

– Да, – кивнула я и попросила воды.

– Давно вы знакомы? – наливая мне целый стакан, продолжил следователь, звали его Константин Егорович.

– Нет.

– Он вам что-нибудь о себе рассказывал?

– В общих чертах... У него бизнес...

Я была уверена, сейчас Константин Егорович заявит, что Серега женат, и призвала себя стойко встретить очередной удар судьбы. Но все оказалось даже хуже, хотя куда уж...

– Бизнес – это точно. Вот только это криминальный бизнес. Наркотики, проституция и так далее.

Я залпом выпила воду и спросила, наплевав на его седины:

– Тогда какого хрена он у вас на свободе?

– Мы бы рады отправить его куда следует, но... – Тут Константин Егорович развел руками. – Осторожный, бестия, и серьезных покровителей имеет.

– А вы его вместе с покровителями посадите, – посоветовала я.

Следователь хмыкнул, посмотрел на меня и заметно помрачнел.

– Чтобы осудить человека, нужны неопровержимые доказательства, – проямлил он. – Пока их нет, но мы работаем. Я почему этот разговор завел. Каверин с Осмоловым очень хорошо знакомы, положим, друзьями они не были, но... его появление в вашем окружении может быть спланировано.

– В смысле, эти гады какую-то пакость затевают?

– Вы же ключевой свидетель в деле, – вздохнул Константин Егорович, точно извиняясь.

– Тогда дайте мне охрану, – заволновалась я.

– Это не так просто. Пока повода не вижу... Я так полагаю, познакомились вы случайно и инициатором был он?

– Само собой, он. А как еще? – огрызнулась я.

– Ну... в наше время девушки зачастую проявляют инициативу.

На это я предпочла не отвечать, но вспомнила, как мамуля на днях заявила: чувства – по-прежнему удел женщин, мужчинам их прекрасно заменяет интернет. Иногда мамуля бьет не в бровь, а в глаз. Лучше и не скажешь. Какова вероятность, что красивый, свободный, богатый парень подойдет к тебе на улице с предложением идти по жизни рядом ближайшие полвека? Мой опыт, хоть и не особо большой, свидетельствовал: вероятность стремится к нулю. Все

мои знакомые девчонки тоску гоняют в ожидании хоть какого-нибудь возлюбленного, а тут и красавец, и умница, и с ходу влюбился, увидев, как я скачу на одной ноге. Дураку ясно, казачок засланный.

Простившись со следователем, я побежала к Олеське делиться большим горем. Подруга сказала, что влюбиться в меня с первого взгляда очень даже можно ввиду моей неземной красоты (тут сразу же наметились разногласия) и нормальные мужики еще, слава богу, не перевелись, хоть место их обитания нам и неизвестно. С последним я охотно согласилась – у нас один Кирюха на двоих, а назвать его нормальным у меня язык не поворачивается. Солидарны мы оказались и в том, что ухо мне надо держать востро.

Поразмыслив, я решила, что это обременительно, куда проще прекратить встречаться с Каверниным. Дело в том, что тянуть и дальше с сексом было уже невозможно, без того чтоб он не подумал, что у меня не все дома, а ложиться в постель с жуликом не хотелось. Потому что жулик – он жулик во всем, а я, связываясь с ним, вроде тоже как жульничаю, хоть и пассивно. Взять те же цветы. Если деньги на них он получил мошенничеством, а я букет приняла... Короче, передай смертный грех по кругу. А оно мне надо?

Я собралась с силами и в тот же вечер заявила Каверину, что наша встреча была ошибкой. С минуту он сидел истуканом, а потом с обидой спросил:

– Ева, ты спятила?

– Мне очень жаль, но мы не подходим друг другу, – ответила я, решив, что не худо бы всплакнуть. «Мужское самолюбие надо щадить» – отличный мамин совет, которым она сама никогда не пользовалась.

– Не подходим? – перешел на зловещий шепот Серега: мы ужинали в ресторане, и повышать голос он все-таки не стал.

Я очень рассчитывала, что в общественном месте Каверин будет держать себя в руках, но на всякий случай укрылась за очередным букетом, который украшал наш стол.

– Я месяц как идиот таскаюсь с дурацкими цветочками, то в театр, то в филармонию... не трахнулись ни разу, а я терплю, потому что влюбился, как пацан...

– Дело совершенно не в этом, – выглянув из-за букета, сказала я. – Сегодня я была у следователя... в общем, он сказал, бизнес твой криминальный и, по его мнению, твое место в тюрьме.

– Ага, разбежался. Пусть докажет, деятель хренов... Тебе-то какое дело до моего бизнеса? – зашипел он чуть громче, но тут вдруг приуныл, наверное, вспомнил о моем недавнем подвиге – разоблачении очередных мошенников.

– Сережа, прости меня, пожалуйста, – заныла я. – Но нам действительно лучше расстаться.

– Не знаю, что тебе наговорил это дурак-следователь. Короче, выброси все это из головы, никто меня не посадит, мы будем жить долго и счастливо. Между прочим, я сейчас церковь восстанавливаю по благословию нашего владыки... – похвастал он.

– Это еще хуже, – вздохнула я.

– Что?

– Ты из тех людей, которые считают: караются не преступления, а промахи. Говоря попросту, не пойман – не вор. А по мне, вор – все равно вор, как ни крути. И с господом ты пытаешься наладить взаимовыгодные отношения: «Я тебе церковь, боже, а ты меня от тюрьмы спаси». Я пойду, ладно? – спросила я, приподнимаясь.

– Откуда ты такая свалилась на мою голову?! – рявкнул он, и я испуганно села на место, но тут же вскочила: – Сережа, ты же понимаешь, мы не подходим друг другу.

– Да пошла ты, идиотка, мать твою! – вновь рявкнул он, и я сочла, что самое время смыться. Сергей продолжал орать, а очередной букет полетел мне вдогонку.

Я вновь бросилась к Олеське, где прорыдала двое суток, в большой жалости к себе и огромной обиде на судьбу, которая сначала поманит, а потом покажет фигу.

Но на этом ничего не закончилось. Серега искренне верил, что, если мужик нравится женщине, ей абсолютно все равно, чем он занимается. Короче, мой отказ у него в голове не укладывался, и он в чем только меня не обвинял. Быстро перешел к оскорблениям, называя меня то бессердечной куклой, то подлой сучкой (а это-то к чему?), и успокаиваться не собирался. Напротив, интерес ко мне набирал обороты. Он звонил, дежурил возле моего дома, писал мне в соцсетях, откуда я тут же ретировалась, и конца этому не предвиделось. Сначала мне пришлось пожить у мамы, от нее перебраться к Олеське, а потом и к Кирюхе, о существовании которого Серега не догадывался и оттого обнаружить меня там не сумел. Но долго жить у Кирюхи я не могла, еще вопрос, что хуже – истерики Сергея или занудство бывшего. К счастью, Каверин немного притомился, или появились дела поважнее, и двадцать четыре часа в сутки рыскать по городу он уже не мог.

Я вернулась домой. Последний раз мы встретились на прошлой неделе, Каверин с грустью произнес: «Убить тебя, что ли», и взгляд, которым он сопровождал эти слова, не позволял надеяться, что это лишь фигура речи.

В общем, от него я ждала чего угодно, и слова Олеськи, что типы на «Ленд Ровере» могли быть его друзьями, пали на благодатную почву.

– Вот черт!.. – буркнула я в крайней досаде.

– Точно, точно, – закивала подруга. – Его же дико бесит, что вы даже не трахнулись. Почему, кстати?

– По кочану, – отрезала я. – И что мне теперь делать? На улицу не выходить?

– Заявить в полицию.

– Ага. А они спросят, с какой стати вы решили, что это Каверин. Парни ведь не представлялись.

– Вот пусть и разбираются, кто они такие. Тебя пытались похитить, это преступление, и они обязаны расследовать, тем более что есть свидетель.

– Как я его найду?

– Мужик тебя спас, а ты даже его мобильный не спросила?

– Думаешь, надо было? Я растерялась, о полиции не подумала, и о том, что он свидетель...

– Он что, совсем никуда не годился? – нахмурилась Олеська.

– В каком смысле?

– Ну, маленький, кривой, горбатый?

– И как бы он в этом случае справился с двумя бандитами? Даже с тремя? Между прочим, он высокий, спортивный и очень даже симпатичный.

– Ева, ты дура, – с грустью констатировала подруга.

– Почему?

– Господи, тебя что, симпатичные мужики каждый день спасают? Если бы меня кто спас, я б не только телефон и адрес узнала, я б в него намертво вцепилась, чтоб не сбежал.

– Я мечтаю о тихом, интеллигентном мужчине, а этот тут же лезет в драку... На хрена он мне, когда я от Каверина избавиться не могу?

– А кто тебя от этого Каверина спасать будет, свинья ты неблагодарная? Знаешь, Ева, последнее время я начинаю думать, что ты сама виновата в своих несчастьях. Родителей я, конечно, не имею в виду, но взять твою работу. Ну, дурил Осмолов головы идиотам, но ведь не грабил! Они ему деньги сами несли. А ты вообще сбоку припеку, зато зарплата хорошая. Ты бы могла не только мамину ипотеку выплатить, ты бы себе хорошую квартиру купила. А Каверина, между прочим, я даже понимаю. Где ты сейчас благородного героя найдешь? Все крутятся, как могут.

– Да пошла ты! – рявкнула я, и Олеська махнула рукой.

– Ты не от мира сего. Начиталась дурацких книжек, надо было у тебя их отнимать... Извини. – Она обняла меня и вздохнула. – Каверин – гад ползучий. Хорошо, что нашелся добрый человек...

– Это еще не все, – порадовала я.

– Ты старика имеешь в виду? Убийство, конечно, ужасно, но кто ж тебя заподозрит? Ты у нас Леди честность.

– Еще как заподозрят, если про портрет узнают...

– Про какой портрет? – нахмурилась Олеська, и я подробно рассказала о разбитом стекле и последующих роковых событиях.

– Правда, Пикассо? – спросила она, я пожала плечами. – Дай посмотреть.

И тут меня в жар бросило, потому что я отчетливо помнила, как снимала в прихожей рюкзак и никакого пакета при мне не было.

– Мамочка! – взвыла я, испугав Олеську до сероватой бледности. – Я его на остановке забыла... Точно. Когда эти гоблины на меня накинлись, я пакет уронила, а потом о нем даже не вспомнила.

– Бегом на остановку! – завопила подруга. – Вдруг он все еще там?

Мы бросились к машине Олеськи, которая стояла во дворе, и через пятнадцать минут были на остановке. В тот момент там толпился народ. Оставив неподалеку подружку «Хонду», мы все тщательно осмотрели и даже немного поприставали к ожидающим автобус гражданам. Вскоре граждане уехали, мы осмотрели все еще раз, обшарили кусты в радиусе ста метров, проверили мусорки и вернулись в машину – я в отчаянии, состояние подруги можно было охарактеризовать как подавленное.

– Ничего, Евочка, – попробовала она меня утешить. – Мы обязательно найдем выход из положения.

Я кивнула, мрачно думая при этом: «Само собой, найдем, но какого лешего я каждый раз нахожу туда вход?»

– Я знаешь что подумала, – сказала подруга. – Портрет мог взять тот самый парень, что тебя спас. Ты ведь уехала, а он остался? И мог заметить пакет.

– Ага. Или кто-то другой его заметил. Лучше бы кто-то другой...

– Почему? – удивилась Олеська.

– Потому что парень отнесет его... А куда в таких случаях относят вещи?

Мы уставились друг на друга, а потом руки привычно потянулись к мобильным. Интернет советовал в найденные пакеты нос не совать, а сразу вызывать полицию.

– Если он тоже заглянул в интернет и внял совету, мне точно хана, – сказала я.

– Но почему?

– Потому что они найдут портрет, парень даст описание моей внешности, и на этом моя жизнь на свободе закончится.

– Тот самый случай, когда неброская внешность была бы предпочтительнее. Думаешь, он вызовет полицию?

– Нет, – немного поразмыслив, ответила я, довольно ярко представив парня в майке-алкоголичке. – Мне показалось, что полицейские не пользуются у него симпатией.

– Отлично, значит, у нас есть шанс.

– Нет у нас шансов, если ты о том, чтобы его найти. Я же не могу дать объявление: «Просьба нашедшего пакет с портретом работы Пикассо обратиться по телефону...»

– Почему не можешь?

– Потому что тем самым признаю: портрет стащила я. Конечно, нормальному человеку в голову не придет, что портрет в пакете – большая ценность. И это тоже скверно. Чего доброго, выбросят на помойку.

– Ну и фиг с ним, – прошипела Олеська.

– С ума сошла? Это Пикассо. Хорош мировое наследие разбазаривать.

– Видели мы эти портреты. Без одной жуткой рожи мир как-нибудь обойдется. А ты моя подруга и всяко мне дороже...

– Спасибо, конечно, но портрет надо вернуть владельцу.

– Как, скажи на милость, если не давать объявление? А парня ты хорошо запомнила? Узнать сможешь?

– Наверное. Слушай, он в ВДВ служил, у него на плече была татуировка.

– Вот! – взвизгнула Олеська. – У них в нашем городе наверняка есть какой-то сайт или группа в соцсетях. Где-то они тусуются. Мы твоего отважного героя одним махом найдем.

Идея показалась стоящей, Олеська метнулась к компьютеру, я взялась за мобильный. Группы обнаружили довольно быстро, но нас подстерегало разочарование: среди фотографий, в большом количестве выложенных здесь, никого похожего на парня с остановки не нашлось. Подсознательно я была настроена на удачу, и разочарование оказалось болезненным.

– Может, он не из нашего города? Пятнадцатый автобус идет к вокзалу... Вот засада... Он, может быть, из области или вообще издалека...

– Это вряд ли... – вздохнула я. – Тогда у него с собой были бы вещи.

– А их не было?

– Фиг знает. Чемодана точно не было, а вот рюкзак – запросто. Если он бросил его на скамью, я бы вряд ли обратила внимание... Мы смотрим группы в соцсетях, – начала размышлять вслух я. – На самых часто посещаемых парня нет. Предположим, он не любитель тусоваться, но хоть раз засветиться должен, если с приятелями все же встречается.

Олеська кивнула, выжидающе глядя на меня, а я продолжила:

– Значит, поиск должен быть векторным.

– Это как?

– Проверим всех, кто засветился. Все фотографии в их архивах... Но на это уйдет черт знает сколько времени...

– Это точно, – приуныла подруга.

Мысль часами разглядывать бравых вэдэвэшников пугала куда меньше тюремного заключения, но я боялась, что полицейские придут за мной раньше, чем поиски принесут результат.

– Давай тогда сами объявление дадим, – предложила подруга. – А что? Так и напишем: «Молодого человека, спасшего девушку от хулиганов на остановке такого-то числа и во столько-то, просьба позвонить этой самой девушке». И номер телефона.

– Идея отличная, но если мы в этих группах его не нашли, то, скорее всего, он туда и не заглядывает.

– А мы дадим описание твоего парня, глядишь, кто-то вспомнит и ему позвонит. Ну а он тебе.

– Ладно, – согласилась я. – Пиши объявление.

– Ты мне сначала описание дай.

Оказалось, что это совсем не просто. Герой маячил перед внутренним взором, но описанию не поддавался. Высокий, крепкий, это понятно. Волосы... скорее, темные... уж точно не блондин... Глаза... большие, маленькие? Нормальные. А вот выражение этих самых глаз вызывает у разумных женщин беспокойство. Говоря по-простому, и хочется и колется, потому что догадываешься: выйдет тебе знакомство с ним боком. Но как такое в объявлении напишешь? Цвет глаз я не помню, но вряд ли карие. Нос тоже небольшой и немаленький... И что у нас получается? Слезы, а не описание.

– Давай напишем, что он был в джинсах и полосатой майке-алкоголичке. Нет, он не в джинсах был, а в штанах цвета хаки с множеством карманов.

– Ева, напрягись! – рассердилась подруга. – Там, считай, все в алкоголичках и штанах цвета хаки с карманами. Жаль, что у него шрамов не было. Или родимого пятна.

– Ага, жаль, – поддакнула я, прочитала составленное Олесью объявление и загрустила. – Похоже на отчаянное желание познакомиться, – заметила я. – Задолбают звонками всякие придурки.

– Давай мой номер оставим, я и с придурками не прочь поболтать. После Кирюхи мне уже ничего не страшно, а простой в личной жизни действует угнетающе.

– Пиши, – легко согласилась я, решив, что ничего путного из нашей затеи не выйдет.

– Значит, ждем звонка, – разместив объявление, подытожила Олесья. – Я интересуюсь, не нашел ли твой спаситель пакет, а если нашел, спрашиваю, что в нем лежит. На этом этапе отметем всех придурков. Ну как? Полегчало?

– Пока не очень. Если пакет остался на остановке и его взял кто-то другой...

– Мы его вряд ли найдем, но и тебя полиция с портретом не свяжет. Будем надеяться, что к владельцу он все же вернется и ты свою карму не испортишь. Человек в полицию пакет отнесет или, как мы, даст объявление. Надо новости почаще смотреть.

– Объявление попадет на глаза дядьке в багетной, и меня возьмут под белые ручки...

– Да что на тебя нашло? – разозлилась Олесья. – Он тебе квитанцию выписывал? Нет. Сможет тебя описать? Еще вопрос. Ты вот с описанием парня на остановке забуксовала.

– Полицейским проще, они мою фортку покажут, и он меня узнает. Если уж я час ему глаза мозолила, а под подозрением все, кто имел отношение к дому. Загребут меня, и что я скажу? Пакет потеряла?

– Да, потеряла. Потому что напали бандиты, чему есть свидетель. Пусть ищут парня, а потом и этих, на джипе. Короче, не волнуй меня. С портретом еще ничего не ясно, а вот похитить тебя пытались. И уж точно не из-за портрета.

Соглашаться я не спешила. А что если как раз из-за портрета грабители и залезли в дом? То есть там и без Пикассо было чем пожить, но от него они бы точно не отказались, а портрета-то и нет. Учítывая, что в доме находилось не так много людей, я становлюсь самым перспективным кандидатом, способным ответить на вопрос, куда испарился Пикассо. А найти меня при желании – раз плюнуть. У мамы или дома... Или по дороге...

Тут я подумала о Светлане Петровне и схватилась за мобильный. Не отвечала она довольно долго, наконец я услышала ее голос.

– Ева, с тобой все нормально? – испуганно зашептала она.

– Нормально, – вовсе в этом не уверенная, ответила я. – Вас долго вопросами мучили?

– Думала, помру от этих вопросов. И знаешь, так хитро спрашивают, вопрос пять раз зададут – и все вроде по-разному. Договорись до тюрьмы, господи спаси. А стыд-то какой, Евочка! Бросила больного старика из-за своих дурацких огурцов. Впервые со мной такое... я же никогда... чтобы я пост оставила... Не иначе как бес попутал! А еще эта Верка. Вот ведь шалава...

– Очень хорошо, что вы ушли, – сказала я. – И Верка, приди не вовремя, могла вместе со стариком погибнуть.

– Это да... Но все равно стыдно. Получается, я этот... долг свой не выполнила. Я вот знаешь, что подумала: а вдруг все подстроено?

– Ограбление?

– Ага. Сменщицу брать не торопились, точно ждали, когда у меня терпение лопнет и я сбегу. Следили за нами, Евочка, вот тебе крест... И в дом полезли, потому что знали: старик-то один.

– Верка могла приехать в любой момент. Или вы и ее подозреваете?

– Пес знает. Уж очень она плакала, дядю жалела, прямо сердце разрывалось, глядя на нее. Хотя, как есть, шалава. Ветер в башке свищет. Нет, не она это. Ветер свищет, но чтоб человека, да еще родного дядю лихим людям на убийство отдать... Верка вообще-то девка добрая.

К этому моменту я окончательно запуталась, подозревать Верку или нет. Я с ней встречалась несколько раз, запомнилась она редкой болтушкой, об остальных аспектах Веркиного характера и биографии я знала со слов той же Светланы, которая отличалась крайней непоследовательностью. В зависимости от ситуации наследники были то пройдохами, то чуть ли не мучениками, если учесть скверный нрав старика.

– А вы следователю о своих подозрениях рассказали? – задала вопрос я.

– Ой, да я толком и не помню, что говорила. Можно сказать, находилась в беспамятстве. Теперь страшно, не пришили бы соучастие. Я слышала, как Олег со следователем говорил, мол, старик денег не давал, его содержание наследникам обходилось дорого. У Верки с деньгами напряг, и у Олега не всегда были возможности... Вот, мол, и обходились, как могли.

– Думаєте, так и было?

– Кто знает? Старик, когда с ними беседы беседовал, меня из комнаты всегда гнал. Но то, что он прижимистый да вредный, это факт, а против фактов не попрешь.

«Судя по всему, никакие злодеи Светлане не угрожали, а значит, мое недавнее похищение никак с убийством не связано», – подумала я, закончив разговор с сиделкой. Тогда кто хотел меня увезти и с какой целью? В обсуждение этого вопроса охотно включилась подруга.

– Каверин это. Помяни мое слово. А может, Осмолов? Решил, если тебя на суде не будет, дело запросто развалит. – Она испуганно на меня вытаращилась, я махнула рукой.

– Там томов сорок дела и пол-Китая обманутых вкладчиков, чего тут разваливать? Если Осмолов решит оторвать мне голову, то лишь на почве глубокой личной неприязни.

– И что? От этого легче?

– Нет, конечно. Ладно, я пошла.

К тому моменту волнения дня меня уже доконали, хотелось покоя и одиночества.

– Куда? – не поняла Олеська.

– Домой, естественно.

– Ты спятила?! – заголосила подруга. – Ее белым днем хватают на улице, а она домой!

– Здесь оставаться тоже опасно. Еще и тебя подставлю.

– Идем к Кирюхе. У него точно искать не будут. Он тебе кто? Никто. Вот и отсидишься. Я тебе соберу самое необходимое.

Олеська стала искать ночнушку и зубную щетку, а я тосковала на диване, толком не зная, как поступить. Ситуация попеременно виделась то безнадежной, то умеренно оптимистичной.

Наконец сумка была собрана, и мы поехали к бывшему.

Кирюха, открыв дверь, посмотрел на нас с явным неудовольствием.

– Чего притащились? – спросил он, препятствуя нашему проникновению в квартиру.

– Еве надо где-то отсидеться. Понял?

– Опять?! – возмутился Кирюха.

– Не опять, а снова, – отрезала Олеська, он чертыхнулся.

– Почему у меня-то?

– А где? На тебя никто не подумает. Ева, не молчи! – Подруга толкнула меня локтем в бок.

– Короче, Кирюха, дело правда стремное...

– А у тебя других нет, – съязвил он и перешел на шепот. – Между прочим, у меня девушка.

Если он думал этим нас остановить, то зря надеялся.

– Здесь? – спросила она и, решительно подвинув Кирюху, шагнула в квартиру. – Хотелось бы познакомиться.

– Зачем? – зашипел бывший и заметался между мной и Олеськой, в конце концов махнул рукой, затащил меня в квартиру, запер дверь и крикнул: – Оля, у нас гости!

Из комнаты появилась девица с синими волосами. Бровь, нос, губу и щеку украшали серебряные кольца. Кожаная юбка в обтяжку и бесформенная футболка, наряд завершал дурацкий капроновый бант на затылке, который успел сбиться на одну сторону.

Олеська, судя по ее физиономии, осталась довольна – девица укладывалась в определение «тихий ужас».

– Кирюху надо спасать, – заявила подружка вместо «здравствуйте», а Синяя спросила с вызовом:

– Это кто?

– Я его жена. Бывшая, – мстительно сообщила подруга. – А это невеста, тоже бывшая. А вы по вызову работаете? Страшилки на дом?

– Блин, Олеська, заткнись! – рявкнул Кирюха, но впечатление, как всегда, не произвел. Девушка, окинув нас взглядом, сказала:

– Пока. Я позвоню, – и удалилась ввиду явного перевеса сил.

Кирюха вздохнул, закрывая за ней дверь, но в этом вздохе чувствовалось облегчение.

– На фига лезть в мою личную жизнь? – спросил он.

Олеська отмахнулась.

– Радуйся, что эта пародия на семейку Адамс ушла. У нее, поди, в пупке еще кило железа, а под юбкой граната подвешена.

– Почему граната? – не понял Кирюха, я, кстати, тоже не поняла.

– От таких только и жди пакостей. В общем, Ева поживет у тебя, – сменила она тему. – Сколько, пока не ясно, но с девицами придется повременить.

В гробовом молчании мы устроились в кухне пить чай, на этом настояла Олеська. Чаю никому не хотелось, Кирюха, вздохнув, достал из холодильника три бутылки пива и поставил на стол.

– Рассказывайте, в какое дерьмо Ева опять вляпалась.

«Точнее не скажешь», – мысленно согласилась я. Именно в дерьмо, именно вляпалась. Господи, ну какого лешего я побежала стекло менять?! Могла бы в следующий свой приход сообщить Олегу, что стекло куда-то делось, хрен бы кто вспомнил, когда и куда.

Подруга взглянула на меня с немым вопросом, вновь повторять свой рассказ не хотелось, но и сказать что-то было надо. Я приняла Соломоново решение: красочно живописала нападение, но промолчала о портрете.

– Поменьше бы лезла в чужие разборки, – заявил Кирюха, приканчивая свою бутылку. – Самой спокойно не живется, и другим не даешь.

– Ну, ты и гад! – рявкнула Олеська. – Правильно Ева за тебя не пошла, а вот я дура...

– Кто ж с этим спорит?

Хорошо зная обоих, я не сомневалась, они непременно устроят перепалку, плавно переходящую в рукоприкладство. Справедливости ради надо сказать, руки прикладывала только Олеська, она девушка во всех смыслах несдержанная, Кирюха обычно орал и уворачивался.

Все развивалось по привычному сценарию, пока по батарее не забарабанили соседи. Оба замерли, взглянули на меня и расселись по местам.

– Пойду я, – сказала минут через пять подружка и вскоре удалилась. Мы остались с Кирюхой вдвоем.

– Ты бы девушке позвонил, – сказала я, собирая со стола посуду.

– Какой еще девушке?

– Ну... той, с гранатой...

– Никакая она мне не девушка. Она по работе приходила, между прочим. Знаешь, вы реально портите мне жизнь.

– Ладно, я сегодня у тебя ночую, а завтра что-нибудь придумаю.

Кирюха, махнув рукой, удалился в комнату, а я устроилась возле окна и попыталась читать книгу, которую прихватила у Олеськи. Но собственные проблемы никуда не уходили, причудливо перемешиваясь с проблемами героини детектива, и в голове вскоре образовалась полная каша.

Кирюха с утра пораньше убрел по делам, а я обнаружила в холодильнике кое-что из продуктов и решила в качестве жеста доброй воли приготовить обед. На это ушло все утро, ближе к двенадцати я вспомнила об обещании, данном бывшему, и призадумалась, куда податься. Папу, маму и Олеську смело вычеркиваем, больше никто в голову не лез. Придется пару дней посидеть здесь, наплевав на недавние слова. Что такого должно произойти за пару дней, выдаться с трудом. Вдруг мне повезет и убийцу найдут? А там и портрет волшебным образом отыщется? Осмолов с друзьями отправятся в тюрьму, а Каверин про меня забудет. Все остальное я как-нибудь переживу. Но два дня безделья – это все-таки испытание, да и о зарботке забывать не следовало. В общем, мне нужен был мой компьютер. Значит, придется заглянуть домой.

В тот момент затея не представлялась мне особенно опасной, хотя внутренний голос шептал: сиди и не высывайся. Я решила замаскироваться. Из вещей, собранных подружкой, в этом смысле ничего полезного не нашлось. Я заглянула в шкаф в прихожей. На верхней полке – старая кепка в клетку, в ящике – очки от солнца. Собрав волосы под кепку, я надела очки и осталась довольна. К моим джинсам добавила рубашку Кирюхи и превратилась в немного странноватого подростка. Рубашка была просторной и неплохо маскировала фигуру, так что не сразу поймешь, парень маячит в зеркале или девчонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.